
Антон ЗАНЬКОВСКИЙ

ЧАЙНЫЙ ДОМ

Записки богослова

Опротивело мне однажды общество дамских друзей, и направился я в пустыню Кудс и дружил там со зверями...

Саади

»

Прежний хозяин этого дома умер, но сперва отсидел в тюрьме. Случайно кого-то зарезал в потасовке. Пока он отбывал срок, здесь жила бабушка моей троюродной сестры. Я говорю «дом», но, в сущности, это глинобитная хижина с шиферной кровлей и земляным полом — никакого фундамента, хоть кротов разводи. В доме две комнаты, печь и тьма всякого старья: сундуки с ветошью, которая почему-то пахнет карамелью, пружинные кровати, круглый стол, самодельная икона, буфет, набитый грязными банками, пожелтевшими газетами, железной посудой. Предстоит вынести мешков пять рухляди. Кроме того, я решил уничтожить пристройку, где раньше находилась кухня. Потолок пристройки сгнил, шифер, того и гляди, обрушится на голову.

»

То, что приятно мускулам: срывать проводку, сбивать молотом старинные керамические изоляторы. Я крушил пристройку, а соседи решили, что ворую шифер. И не упустили случая прихватить свою долю. Заходя в дом с топориком в руке, я столкнулся с молодым человеком. Насколько мне известно, этот парень сидел в тюрьме, на вид ему было чуть больше тридцати. Глянул на мой топор и говорит с опаской в голосе: «Мы здесь такие же, как ты». Все хорошо, дружище, забирай оставшиеся кровати, мне они вовсе не нужны. Дал ему понять, что имущество меня не волнует, зато весь дом я беру себе. А что такое дом? Огороженная пустота.

»

Парень удивился, что я сорвал фанерный потолок. Нормальный человек не станет этого делать. Но фанера мне портит интерьер. Зачем же ты, спрашивает, потолок оторвал; понятное дело, для него такие выходки — пустая растрата, ведь сосед ничего не смыслит в японской эстетике.

Антон Владиславович Заньковский родился в 1988 году. Печатался в журналах «Логос», «Нева», «Опустошитель», «Acta eruditorum», «Апокриф».

8

Мало избавиться от фанеры — надо снять и доски, чтобы сама крыша превратилась в потолок, но тогда ее придется чем-то утеплять, а я пока не готов на такой подвиг. Если вверх пространство получится увеличить всего метра на полтора, то вниз — сколько угодно. Можно вырыть комнату в два раза глубже.

8

Пока мы с деланным безразличием переговаривались, подруга этого парня мрачно улыбалась, усевшись на сундуке в темном углу. Мы общались в детстве, правда, я над ней издевался. А потом ее стали называть Скорой Помощью и Черной Дырой. Когда мы были детьми, она донашивала мою одежду. Ее семейство бедствовало, отец сидел в тюрьме, потому что однажды выскочил из кустов с высунутым членом. Черная Дыра: такое прозвище надо заслужить. Теперь могла бы отомстить за издевательства, донести на меня. Незаконный захват — в худшем случае мне грозит статья за самоуправство.

8

Мне было около десяти лет, когда я решил пройтись к озеру, а там совершенно голая Скорая Помощь, но тогда ее звали просто Катя, радостно визжала, оседлав какого-то мальчика. Я спрятался в камышах, некоторое время наблюдал за детьми, а потом убежал. Многие годы меня преследовала фантазия: мы грязно совокупаемся с ней, увязнув по колено в прибрежном иле. И даже сейчас могу представить, как по смуглому бедру Скорой Помощи движется мясистая нога прудовика.

9

Пришлось повозиться с пристройкой: сначала отколупывал глину, затем отрывал балки, рубил бревна, выдергивал ребра, соскребал мясо. Прежде никогда не занимался физическим трудом, это непривычно, потому и доставляет некоторое удовольствие, хотя все ладони теперь в мозолях. Во всяком случае, я расходую силы, которые в последнее время шли на саморазрушение. То, что приносит радость сухожилиям: приятно бить топором наотмашь и выкорчевывать столбы голыми руками — наслаждение дантиста и мясника.

8

Я нарочно сохранил кусок стены с окном, чтобы подчеркнуть впечатление стилизованной разрухи. Клены, выросшие прямо из-под пристройки, немножко распрямились, когда я освободил их. Выглядят эти деревья неопрятно, как высокие кусты, но пока я не решил, что буду с ними делать. Быть может, немного прорежу или наоборот — посажу к ним девичий виноград, хмель и китайский лимонник, чтобы еще больше загустить зелень, скрыть хижину от любопытных глаз.

8

Поранился ржавым гвоздем, но не так глубоко, чтобы это могло быть опасно. Все руки в ссадинах. Приятно снимать паутину со стен в заброшенном доме.

»

Так вышло, что последние семь лет я нигде не засиживался дольше двух-трех месяцев, а порой приходилось подыскивать новое жилье уже через несколько недель после новоселья. Переезжая с места на место, утрачиваешь чувство дома: теперь ты везде захватчик, пират, цыган и еврей. Таким, как ты, мир всегда готов предоставить крышу над головой, тарелку супа, стакан вина и роскошь праздности, но только не смей засиживаться. Странник должен перемещаться — это его единственная обязанность. Мои петербургские приятели недоумевают, почему им не дарят модные пальто и бархатные пиджаки, почему женщины не кормят их винегретом и любовью, не оплачивают билеты. Потому что оседлый человек находится в ином статусе, он в другой сделке с миром.

»

.....
.....
.....

»

В картах Таро есть старший аркан «Отшельник». Я решил превратиться в эстетствующего отшельника с хорошей музыкой в колонках проигрывателя. По утрам стану читать священные тексты, растворюсь в пресно-бесцветном, поселившись в тайной деревне. В моем доме почти не будет мебели, зато я сделаю алтарную нишу, расстелю в ней полумрак и прохладную ребристую тишину. Это приносит радость: обнаружить в дождь, что потолок течет, а потом удачно залатать крышу.

»

Подвесил большую деревянную дверь к потолку, сверху положил матрас — получилось летающее спальное место. Железные цепи достаточно крепки, вероятность аварии ничтожна. Согласно статистике, в авиакатастрофах погибают чаще, чем в кроватокатастрофах. Такое ложе — превосходное средство от бессонницы, вызванной чрезмерным чтением. Чтобы сразу заснуть, лучше быть над землей, но это не спасает от внезапных пробуждений (как в самолете). Я нашел на чужом чердаке якорь и прикрепил его снизу к висящей двери — он помогает фиксироваться во сне. Без якоря течения сносят очень далеко, а затем выбрасывают на скалы.

»

Как говорил один онтологический анархист, меня не интересует только выживание, я хочу процветать. Внешний вид очень важен. Хорошая ткань и чистые рубашки способствуют дисциплине ума и самоорганизации чувств. Пускай ты совсем один, все равно необходимо следить за собой. Пилочка для ногтей — верная подруга анахорета.

»

Пятнадцать лет я был вегетарианцем, но теперь собираюсь питаться беззубками, их еще называют речными мидиями. Основная цель — избавиться от капиталистиче-

ской зависимости. Можно выращивать тыквы, топинамбур и охотиться на ужей. Но лучше приглашать к себе друзей из мира искусства, чтобы вместе устраивать арт-мистерии. Здесь и раскрывается смысл автономной зоны: это заводь, в которую постоянно втекают интересные люди, идеи, финансы. В пространстве бесконечного праздника нет места для нужды.

26

Один американский ученый возненавидел современный город и поселился в лесной хижине. Он сидел там, но поддерживал связь с академическим сообществом. Правда, осуществлял эту связь с помощью взрывчатки: рассылал бывшим коллегам бомбы почтой. Данная персона интересна своей удаленной позицией. Я тоже намереваюсь иногда рассылать бомбы, художественные и философские. Сейчас, когда я сижу в такой глуши, мое имя фигурирует на обложке авторитетнейшего философского журнала, который продается во всех независимых книжных магазинах. Я не сдаю территории в центре, укрывая себя на периферии. Такую фигуру можно изобразить аллегорически — это снайпер.

29

Надо так использовать механизмы и средства информационной экспансии, чтобы избегать растраты времени, внимания и зрения. Когда срастаешься с машиной, потом трудно вырвать из себя провода. Суверенность и техника несовместимы. Вы думаете, что предаетесь праздности, листая виртуальные странички, а на самом деле обслуживаете машину. Вы всего лишь пособник механизма.

28

Меня приятно удивило, что филолог и литературовед Борис Аверин совсем не пользуется компьютером и редко берет с собой телефон. Поэтому ему так трудно дозвониться. Он признался мне, что любит уходить далеко в лес, где звонки неуместны.

25

Аверин физически не переносит экран, ему делается плохо, когда в комнате стоит компьютер. При этом Борис Валентинович не придерживается реакционных взглядов. Он собирает грибы, в саду его растет щавель. Знаю только одного человека с такими же античными пропорциями души — это исследователь платонизма и гностицизма Р. В. Светлов. Меня впечатляют не столько мысли этих людей, сколько искусство расстояний, которым они овладели. Я наблюдаю здесь два разных стиля дистанции.

20

Светлову всегда можно позвонить, но беседа продлится полминуты. Роман Викторович неуловим для мирских толков, иногда он производит впечатление делового человека, но на самом деле является адептом тайного ордена Единого. Я подозреваю, что в мозгу есть определенная зона, отвечающая за теологическое чувство и за то удовольствие, которое мы получаем от сдержанности классицизма. Близость Светлова стимулирует эту зону мозга.

Аверину получается дозвониться только в определенные часы, но если вам это удалось, Борис Валентинович не будет жалеть времени на беседу. Мы больше получаса обсуждали мой роман «Ветошница», Аверин зачитывал фрагменты, которые ему особенно понравились, просил пояснить малопонятные лирические места, потом пригласил меня в гости. Я пробыл у него в Сергееве не меньше трех часов, мы распили бутылку вина. Перед моим уходом Борис Валентинович попросил свою жену Марию Наумовну настричь для меня щавеля в саду. Я жил неподалеку, в Мартышкине, у композитора Даниила Иванова. Мать Даниила сварила из щавеля превосходный суп. Несколько дней назад Аверин умер, теперь придется писать о нем в прошедшем времени. Для нас он слился с той субстанцией, которая всю жизнь была предметом его исследований — с памятью.

.....

Некоторое время я выживал в Петербурге только благодаря философии: читал Понке лекции по Канту и по буддизму. <...>

Языковая стратегия Понки — это бег с препятствиями по лунному ландшафту. Причем перепрыгивать ей приходится через диснеевских персонажей, статуи богов и колоссальные замысловатые мормышки. Понкин стиль вранья умиляет наивностью и каким-то уже настоящим безумием. <...> Временами ее бред напоминает монтажные эффекты Годара.

Однажды я прочитал своей ученице лекцию по трансцендентальной эстетике, а потом предложил выпить вина. И Понка заблевала весь номер. Это было неподалеку от Казанского собора, весьма приличный отель в ретростиле, как я люблю. Прежде чем барышню начало рвать, я попытался утащить ее в уборную. Но не тут-то было: Понка ждала до последнего. Я решил, что девушка будет стесняться заблеванности, поэтому куртуазно покинул ее, но пообещал вернуться к утру, когда она все приберет.

И перепрыгнул через Неву на Васильевский остров, где обитала философствующая Дабасова. Ей лекции не требовались, она сама болтала без остановки, весьма оригинально трактуя Хайдеггера. Беда в том, что назойливая болтовня всегда приводила к выяснению отношений. Дабасова весьма своеобразно добивалась взаимности: билась головой о поребрик, кубарем скатывалась к воде по берегу Пряжки, рвала на себе волосы, выла и дралась.

29

Языковая стратегия Дабасовой похожа на речь приговоренного к смерти. Вердикт нашим отношениям был неоднократно зачитан и утвержден. Я честно признался, что не испытываю к ней высоких чувств, зато низких предостаточно. И даже ее философские опыты были мне довольно интересны. Поэтому я предлагал эротическую дружбу теоретиков. Дабасову такой вариант не устраивал, она скандалила и металась по камере, не желая признавать фатум приговора. Внушить непокорному любовнику, что тот подслеповат, заколдован и вообще находится на грани полного жизненного краха, ибо не умеет оценить волшебную дверь, которая располагается в сердце спасительницы, — избитый женский прием, которым Дабасова не брезговала. Таким способом она довела себя до психического истощения.

30

В тот раз истерики повторились, а я, измученный и бездомный, просто хотел поесть, выпить, выспаться. Мне, горемычному богослову, больше некуда было пойти. Возвращаться в заблеванную отель не хотелось. <...> Когда она успокоилась, я попросил ее снять платье, чтобы взглянуть на белое рыбье тело, впрочем, довольно привлекательное. Дабасова талантливая: сочиняет и поет песни на английском, какой-то госпел. Жаль, что моется раз в три дня <...> и неделями хранит гнилые плесневелые томаты на полке. <...>

31

Лучше вдыхать запах всамделишной рвоты, чем рвоты метафизической, поэтому я вернулся в отель. Понка кое-как прибралась, но по-прежнему нестерпимо воняло, так что я дал юной ученице домашнее задание, попрощался и отправился пить кофе в столовую. Зачастую мы грешим не для удовольствия, мы ищем выход из лабиринта.

32

Глина замечательно пахнет.

33

Весь этот чертов юг вовсе не воняет миром, самолеты-стервятники носятся туда-сюда по небу, а местное отребье, прельстившись кровавым заработком, отправилось воевать за «ополчение». Но близость войны иногда становится прививкой от пропаганды, часть местных понимает, что власть лжет. Большая неприятность: поутру пойти справлять нужду и найти в паху надутого клеща.

34

В самый разгар бойни, когда несчастную Украину разрывали на части два амбициозных имперских проекта, когда одни психопаты отдавали людей на сожжение, чтобы дискредитировать врага, а другие психопаты в отместку подставляли под удар пассажирские самолеты; когда одни подлецы дислоцировались в городах, обрекая на смерть местное население, а другие подлецы эту смерть причиняли, я не участвовал в военной игре, но раздевал Киевлянку в Минске: make love, not war.

Она давно следила за мной в виртуальной реальности, мы переписывались несколько лет, а потом решили организовать собственные минские соглашения. <...>

Моя украинская двадцатитрехлетняя подруга тоже занималась философией, любила Пруста, Чорана. <...> А муж Киевлянки думал, что супруга поехала в Минск на конференцию. Потом он обо всем узнал и стал называть ее москальской подстилкой.

Языковая стратегия Киевлянки — это лабиринты лжи. Когда я узнал, что она периодически встречается с одним полугомосеком, который меня долгое время преследовал, предлагая свои услуги, Киевлянка тотчас прислала переписку с ним, в которой были удалены все неудобные места. Смысловые и временные пробелы в этих письмах говорили сами за себя, а полугомосек тем временем публично делился подробностями их встреч. Тогда Киевлянка стала работать в режиме паролей. Настояла, чтобы я изучил ее страницы в социальной сети, где она была зарегистрирована под вымышленными именами. Причем я не просил ее присылать мне эти пароли и переписки, все было подsunуто под видом доказательства невинности. Когда истина случайно выплывала, Киевлянка пыталась сохранить хоть немного лжи в мелочах; даже если я не интересовался подробностями, она сама принималась их выдумывать. Подобные приступы инверсивной искренности сопровождалась жалобами: мать, муж, полугомосек, однокурсники — все измучили ее, надругались над ней. <...> Киевлянка постоянно жаловалась на здоровье, на судьбу и страшное детство. Она придумывала себе чудовищные болезни, которые давным-давно должны были свести ее в могилу. Кроме того, периодически ей делали операции, но как-то очень быстро, например, удалили часть легкого за пару дней, а потом она тотчас продолжила сдавать сессию. Настоящее тело без органов.

Полугомосек понадобился ей, чтобы отомстить мне, ведь я какое-то время игнорировал ее письма, когда наши отношения стали меня тяготить. Я рассказывал Киевлянке о сумасшедшем приятеле, который помешался на мне до такой степени, что любыми путями хотел привлечь к себе внимание: заводил интрижки с моими бывшими девушками, писал нелепые песни по мотивам старых моих повестей, он даже умудрялся имитировать интерес к философии, чтобы казаться умным, оплачивал мне жилье. Я некоторое время думал, что таким способом этот взбалмошный тип демонстрирует нормальную дружескую симпатию. Но в итоге выяснилось, что я имею дело с истеричной девочкой. Мне стоило больших трудов, чтобы от него избавиться, но Киевлянка все испортила, решив немножко попользоваться им. Она, конечно, потом пожалела, когда столкнулась с истериками полугомосека. Простив ей этот эпизод, я просил мою иностранную подругу об одном: не беседовать с мужем по телефону сразу post coitum, не писать ему, лежа со мной в постели. <...> В итоге мне пришлось сжечь в микроволновой печи ее расфуфыренный смартфон. Мог ли я знать, что пожалею об этом?

79

Черные волосы Киевлянки падали ниже талии. Вообще-то, несмотря на рост и национальность, она чем-то напоминала недобрую девочку из фильма «Звонок». Стройная еврейка с огромными псевдонаивными глазами, лепетавшая по-украински, по-французски, по-польски даже, она слишком скромничала на людях, слишком часто врала и давила на жалость. Из-за телефона билась в такой истерике, какую я никогда в жизни раньше не видел. Пришлось накормить ее транквилизаторами, чтобы соседи не вызвали полицию. Больше всего ее травмировал запах жженой пластмассы. Безутешные, иступленные вопли заставили меня поверить, что я изжарил младенца. Утром я купил ей новый телефон, посадил в автобус и отправил домой.

80

Потом она стала всем рассказывать, что я бил ее. Для этого нарочно втерлась в доверие к моим друзьям. Еще как бил, но ведь она сама меня этому обучала. Выходит, что Киевлянка не врала, просто кое-что недоговаривала.

81

Случайный орнамент гематом Киевлянки пересекал границы трех государств. Пока она двигалась по земле в поездах и автобусах, орнамент постепенно пропадал, но следующая наша встреча возвращала его к бытию. Может быть, человеческая плоть и страсти — просто подходящие условия, чтобы синяки осуществлялись узорчато? Или мы только транспортные средства для репейника?

80

.....
.....
.....

82

Троюродная сестра держала саранчу за крылышки, а я отрезал ей маникюрными ножницами большие ноги, потом голову — чтобы не мучилась. Нам эти ноги понадобились для опытов и для красоты, ведь они бывают разного цвета: зеленые, голубые, розовые. Мы собирали коллекцию саранчовых ног. Если надавить на мышцу, нога разгибается, причем разгибаться она не переставала, пока вовсе не усыхла или пока не съедали ее муравьи. Порой насекомые вырывались, уже без длинных конечностей. И после мы находили в темном углу дома этих чудовищ, которые больше не могли высоко прыгать и взлетать, а только ползали на своих маленьких передних ножках. Так мы с троюродной сестрой-еврейкой часто играли в этом доме, когда ее бабушка куда-нибудь уходила. Однажды сестра предложила изучить анатомию: мы тщательно рассматривали друг друга и трогали в разных местах, мне было тогда года четыре. Я хорошо помню, где именно мы разместились без одежды. И теперь я планирую расположить здесь чайный столик.

82

У Платона в «Государстве» есть интересная теория политических типажей. Если свести ее к упрощенной формуле, то получается такое движение: на смену аристокра-

тическому типу приходит демократический типаж, на смену демократическому — тиранический. Аристократ подчиняет личную свободу высшей идее, он жертвует своими интересами ради целого. Платон описывает демократический принцип довольно просто: демократ стремится удовлетворить все свои желания, но не за счет свободы окружающих. Демократа, как во времена Платона, так и в наше время, не устраивает аристократический идеал, так как демократ уверен, что свобода отдельного человека стоит выше интересов общества, которые порой оказываются иррациональными и хищническими. Не человек существует для некоей химерической субстанции под названием «государство», но государство создано, чтобы обеспечивать благосостояние и безопасность граждан, защищать их друг от друга. Эта защита должна быть незаметной и очень корректной, насилие можно употреблять только в крайнем случае. Если следовать теории Платона, которая, на мой взгляд, весьма правдоподобна, то следующее поколение, пришедшее на смену демократам, становится тираническим. Это значит, что свобода у таких людей была изначально, им не приходилось ее как-то завоевывать, они воспитывались в крайней вседозволенности. Поэтому безусловная личная свобода не может быть их целью, их цель — чужая свобода, они стремятся поработать других.

89

Проявилась очаровательная опустошенность, когда я вынес хлам, благодаря соседям избавился от лишней мебели, уничтожил перегородку, делившую одну комнату на две части, разрушил сгнившую пристройку. Меня настолько захватывает эстетика заброшенности, царящая здесь умиротворяющая грусть, одиночество голых стен, украшенных солнечными полосами, что нервы возбуждаются до болезненности. Мучает бессонница: ночь напролет я переставляю в голове предметы, обдумываю планировку сада или конструирую в фантазии такие интерьеры, которые никогда не смогу создать в силу своей неумелости и безденежности. Но в этом-то и состоит задача: использовать по преимуществу местные материалы.

88

В доме родственников — они живут по соседству — на чердаке лежат антикварные вещи: прялки, ступы, ножные протезы моего прадеда, есть там и козлиные, сайгачьи, косульи, лосиные рога. Я не хочу превращать комнату в кабинет редкостей, достаточно поставить несколько старинных штуквин.

86

Сначала я хотел освещать дом свечами, но воск создает лишние сложности: он капает, пачкает циновки. Поэтому решил перекинуть во двор к родственникам электрический провод, у них в бане есть свободная розетка. И тогда возникло много вопросов: какие лампы вешать в доме, ведь люстр, конечно же, здесь быть не может, какую использовать проводку, штробить стены я не собираюсь. Значит, придется купить витые провода в ретростиле и повесить лампы Эдисона. Меня ничуть не коробит, когда модные веяния в дизайне приходятся мне по вкусу. Пускай этот дом немного напоминает столичную кофейню.

85

На стенах оставались обои с пчелками, довольно-таки милые в своей ветхости: кажется, через месяц им исполнилось бы семьдесят, но я захотел радикализировать фак-

туру, добиться однородной неровности. От пристройки осталось много сухой глины в виде целых брусков и крошева, я решил размочить ее в здоровенной железной ванне, которую не стащили мои ушлые соседи. Пока размокали крупные куски глины, я срывал со стен обои. Сдирать длинные клоки бумаги — это доставляет особенное удовольствие: чем больший клочок сходит со стены, тем приятней. Отвратительно, когда приходится соскребать ножом маленькую упрямую полоску.

89

«Государство» Платона помогло мне понять, почему я не являюсь демократом по природе. Я стараюсь быть демократом, но мне дается это путем нелегкой работы над собой. Я рос крайне избалованным ребенком в полубогемной атмосфере 90-х. В четырнадцать лет я <...> сам решал, в котором часу ночи вернусь домой. Само собой, на улице было множество подавляющих объектов, но я не наделял эти объекты человеческими характеристиками. Это значит, что я не ждал от гопников и милиционеров, что они будут людьми, я видел в них что-то стихийное, животное, некую субстанцию, которая не может войти со мной в правовые отношения. Это бала стена, которая могла как-то задержать меня физически, но не морально.

87

Нелегко было добиться нужной густоты, ведь ванну я залил почти доверху, чтобы даже крупные бруски глины скрылись под водой. Из-за этого масса получилась чрезмерно жидкой, пришлось добавлять сухой материал. Глина размокала долго и неравномерно — трудно перемешивать. Наконец, взбив однородную гущу, я принялся, иногда голыми руками, иногда мастерком, наносить это месиво на стены. Я размазывал пристройку по внутренней поверхности дома.

85

Работаю в свое удовольствие, никогда не тороплюсь. Несмотря на это, меня порой удивляет собственная энергичность: не думал, что смогу крушить стены топором или орудовать гвоздодером по несколько часов ежедневно. Во всяком случае, мне становится лучше, прежнюю меланхолию как ветром сдуло, а ведь только недавно я сутками не вылезал из постели, страдая от смертельной апатии. Если поднимался, то сразу же звонил какой-нибудь барышне, и та приносила выпивку, еду, а порой даже лекарства. В сочетании с алкоголем эти снадобья меня, конечно, не лечили, но вводили в ажитацию, которая, во всяком случае, заглушала невыносимую тоску. Я буйствовал по всему Петербургу, иногда, если верить очевидцам, учинял драки в приличных местах. Потом обнаруживал в очередной своей берлоге исподние признаки сразу нескольких женщин, здесь трусы, там лифчик, а самого себя — в новом круге депрессии. Раньше я в нее не верил, считал, что это выдумка для лентяев и бездарей. Ничего подобного: меланхолия может нагрянуть к человеку, полному творческих замыслов; голова чревата идеями, но мышцы духа целиком атрофировались, ты ничего не хочешь, тебе все равно.

80

Имея дело с органическими демократами, я каждый раз обнаруживаю, что с детства они были чем-то скованы. Им приходилось отвоевывать свободу, поэтому и теперь они чувствуют стесненность. Мне трудно представить, что в этой стране кто-либо способен

меня по-настоящему ограничить, я с этим никогда не сталкивался, хотя довольно часто попадал в полицию (за последние два года раз шесть точно), но меня такие происшествия только развлекают: мне нравится чувствовать хоть какие-то ограничения, ведь это очень непривычно и странно. В каком-нибудь унылом «Левиафане» Звягинцева я вижу нелепое стечение обстоятельств, а не социальный фатум. Различные агрессивные стихии присутствуют во внешней среде и в нашем теле: старение, болезни, смерть. С точки зрения тирана, нелепо стыдить омовцев, когда они бьют и волочат по асфальту протестующего, разрывая ему лицо в мясо, с таким же успехом можно укоротить леопарда, который пытается тебя сожрать.

Тиран боится не внешних притеснений, но личного деспотизма, который отравляет сердце пресыщенностью и руинирует судьбы окружающих людей. Тирану пресно и скучно среди рабов, поэтому он желает равенства, но для этого он должен усмирять свою экспансию, сдерживать свою волю. Ему следует ограничить произвол собственных сил: психологических, интеллектуальных, оккультных, материальных, физических. И ни в коем случае нельзя заниматься политикой. Как только возникает политическое настроение, сразу же следует искать тех, кто, обладая соответствующими склонностями, с большим удовольствием позволяет ограничивать свою свободу, подставляя задницу под ремень.

Что касается аристократического типажа, то сегодня он зачастую проигрывает. Недавно я заглянул на страничку одного знакомого кшатрия, который периодически навещается в беспокойные места, ибо считает это своим долгом. Он пишет, что государство предало своих воинов, более того, он признает, что эта игра изначально была лживой. Да и вообще, пишет он, современная война — это мерзость, ничего благородного, но прибавляет, что все равно обязан быть там. Бедняга не способен понять, что только из-за его присутствия там вся эта мерзость продолжается, что партия будет разыгрываться дальше, пока есть фигуры.

Мои петербургские друзья советуют оформить дом на себя. Он не перешел в муниципальную собственность, а наследников у покойного хозяина нет, его сын давно умер от наркотиков. Вообще, я бы мог наплесть, что уже много лет ухаживаю за этой халупой — это дает какие-то права. Но так неинтересно. Вся соль в захвате, в незаконности. Я всегда предпочитал быть колдуном, а не изворотливым дельцом. Мои друзья хотят превратить меня в собственника, но я собираюсь оставаться пиратом. Захват заброшенной хижины — это философское предприятие, социальный эксперимент. Не говоря уже о том, что я реализую свои крайне изощренные интерьерные фантазии. Я заразился тем педантизмом, которым болели французские декаденты, создававшие декорации для жизни, правда, меня очаровывает не избыточность, а пустота. Японские эстетические принципы позволяют культивировать бытовую аристократизм, ничего не имея: чем больше ветхости, нищеты, тем роскошней. Безусловно, здесь тоже надо соблюдать пропорции, например, в доме должно быть чисто, каждая трещина в стене должна быть уместна, не помешает старинный фарфор, и замечательно, что я уже обзавелся им. В пустой комнате чай намного вкуснее.

88

.....
.....
.....

88

Интересно, что именно мягкая глина позволяет мыслить бессмертие. Порой страшно быть твердым, ведь безусловность моего тела когда-нибудь обрушится в прах. Почему нельзя размягчить себя и слепить во что-то другое, не теряя памяти? Недавно я размазал пристройку по внутренней поверхности жилища, но можно ли размазать свое сознание по стенам космического пространства?

89

На старом кладбище разрослись каменные розы и седумы. Мне нравятся эти растения, засажу ими придомовой участок. Сделать небольшой красивый сад не так сложно, ведь у меня есть угольная крошка, суккуленты и черное солнце в мыслях.

89

Йога помогает причаститься глине: размягчаешься в разнообразные формы, разрушаешь удручающую телесную данность, становишься лотосом, становишься рыбой, становишься зародышем. Я начал заниматься йогой, когда мне было пятнадцать лет, вскоре достиг неплохих результатов, но в Петербурге можно практиковать только Петербург — это радикальная тантрическая школа. Здесь заставляют запивать эль коньяком. <...>

89

Что делать в городе, если алкоголь не приносит радости, а секс зачастую разочаровывает? Зато меня никогда не разочаровывает мох.

89

Я собираюсь разбить сад мха перед входом. Весь двор зарастает сорной травой, но земля на месте пристройки хорошо пропиталась глиной, которая осыпалась со стен, когда я их разрушал. Поэтому трава здесь не растет. Клены отделяют остальное пространство двора от пропитанного глиной участка и дают необходимую тень, так что мох не высохнет на солнце. Раньше до соснового леса было рукой подать, но несколько лет назад его уничтожили пожары. Теперь придется отправиться в дальний путь, чтобы набрать мха и привычной для него земли.

90

На самом деле я ничего не строю, а только разрушаю для себя жилье. Мой метод — опустошение. Сначала я выбросил почти все предметы из дома, потом принялся ломать перегородки, пристройку, сорвал фанерный потолок. Я почти ничего не прибавляю, только убираю лишнее. Мох — это нарост на пустоте. Правда, я смастерил трост-

никовые занавески и починил крышу, подтянув съехавший шифер, но ведь можно сказать, что я уничтожил дыру.

♫

Что касается дыр, то в Петербурге их с избытком. Недавно две пианистки, предпочитающие авангард, предложили устроить оргию, но мне не понравилось, что одна хотела переспать со мной, используя вторую в качестве наживки. Кроме того, нестерпимо претит предварительная договоренность в таких делах. Поэтому когда мы уже стали целоваться, я сбежал.

♫

Я не беспокоюсь о мелочах: даже если в мою автономную зону явятся представители власти, порычат и выгонят меня, мне почти все равно. Я пойду на юг, буду валяться в скалах, как уже делал несколько раз. Дружить с медузами, темнеть кожей, украшать буквами блокнот.

♫

Снял входную дверь, а вместо нее засунул в проем старый деревянный сундук, отломав у него дно. Щели заделал глиной и досками. Получился совсем низкий вход: чтобы попасть в дом, надо нагибаться или даже становиться на колени. Японцы делали подобный вход в чайных домах — туда буквально приходилось вползать на четвереньках. Склоняясь, ты совершаешь жест смирения, помня о том, чтоходишь в священное пространство. Но вскоре мне надоело вползать в свое темное логово, я нашел старые окна и сколотил из них двери. Теперь здесь немножко светлее.

♫

Пока я долбил, крушил и размазывал, давняя спутница моих бедствий обосновалась в Гоа. Время от времени мы пытались жить вместе, но это привело ее к тяжелому неврозу и прочим расстройствам, а традиционную медицину Лауда не признает, поэтому отправилась работать и лечиться в Индию. Она поселилась на комфортабельном складе аюрведических лекарств и принялась, окруженная бамбуком, хлебными деревьями и кокосовыми пальмами, симулировать какую-то деятельность.

♫

Языковая стратегия Лауды зиждется на гипотезе лингвистической относительности, согласно которой структура языка влияет на когнитивные процессы. Проще говоря, язык какого-нибудь далекого племени может быть настолько иным, что его носители будут по-другому видеть цвета, не так слышать звуки, могут не знать привычных временных и пространственных категорий, но иметь свои, малопонятные. Лауда, как мне кажется, приняла эту теорию слишком близко к сердцу. Она владеет пятью языками, но заявляет, что не знает ни одного. Когда я привез ее в живописные горы, она не могла с ними общаться. По ее мнению, за словами стоят лишь слова: горы — это г о р ы. А что еще? Если она видит стену, то произносит в уме слово «стена». Мне трудно такое представить. Когда пишу, я наблюдаю картинки, даже философский текст возникает в виде смутных образов, снов, а потом голос мне диктует фразы, но этот голос —

только второстепенный механизм в системе, я никогда бы не смог с ним отождествиться. Есть трансформация образа в слово или в предмет; слово может перетечь в образ, предмет может испариться словом. Так и жидкость: она способна пребывать в трех состояниях: бодрствование, сон и глубокий сон без сновидений, но есть еще четвертое состояние воды, агрегатное, оно называется турия.

Лауда не верит и в лингвистическое совпадение тел, поэтому близость редко ее удовлетворяет. Пальцы ее тоже не спасали, но зато Лауда еще в школе научилась особым образом сжимать свою мидию: оргазм, получаемый таким способом, не был ярким, но помогал ей справиться с неприятным возбуждением. И здесь тоже срабатывает лингвистическая относительность: мидия говорит сама с собой на собственном языке, а все другое ей чуждо.

Почему-то многие люди хотят со мной жить, но это разрушает их нервные и эндокринные системы, а меня приводит к меланхолии. И теперь Лауда, наученная горьким опытом, весьма нерешительно позвала меня к себе. А я подумал, что в Индии будет легче раздобыть хорошие циновки по приемлемой цене.

Последние семь лет он переезжал каждые два-три месяца: так выходило само собой, так складывались обстоятельства. Первое время перевозил с места на место большую библиотеку богословской и эротической литературы, старинный шахматный стол и меловую глыбу. Постепенно радиус его переездов расширялся: сначала он предпочитал исключительно центр города, затем перестал брезговать окраинами. К этому времени его библиотека поредела: что-то расхватали приятели, что-то потерялось, многие книги были отданы букинисту за бесценок. Вскоре он понял, что можно жить у знакомых на необитаемых зимних дачах; пришлось расстаться с шахматным столом — обременительная роскошь. Радиус расширился больше, когда появились друзья в соседнем государстве. В конце концов, бросив самое дорогое — меловую глыбу, он без единой книги улетел на край света.

Нью-Дели: в джайнском храме Лал-Мандир мне показалось, что женщины в сари поют «Богородице Дево, радуйся!», но рядом стоял ящик для сбора пожертвований на птичий госпиталь, а святые на образах были обнаженными. Выхаживать птицу — мы все прошли через это в неправдоподобно далеком детстве. Уморить себя голодом или полетом, дышать через марлю, чтобы нечаянно не погубить мошку.

В России Лауда каждый день кипятит кастрюли, опасаясь микробов. Еще она периодически вскрикивает, словно ее кто-то пугает изнутри. Подобный вопль издает внезапно разбуженный человек. Этот симптом проявляется у нее лишь время от вре-

мени, в часы тревожности. Бывает, что она полдня весела и даже чрезмерно смешлива, но потом вдруг мрачнеет, ею овладевает смертельная усталость. И вскоре начинаются эти вскрики, которые каждый раз перетекают в беспричинную истерику. Внешние события почти никак не влияют на ее состояние. Однажды мы очутились в одной реке с трупом. Сначала увидели полицейских, проплывая мимо пляжа, а потом заметили человеческую спину в кустах. Мне сделалось немножко дурно, ведь неприятно быть в одной воде с мертвецом, даже в проточной. А Лауда в лице не изменилась и сказала, что ей совершенно все равно, ее больше беспокоил кишечник, раздраженный слишком сладкой кашей. Она боится не покойников, но белого сахара, потребляя исключительно тростниковый, соль она ест гималайскую, а хлеб — только из полбяной муки.

95

Я не против здорового питания и люблю редкие яства, но у нас порой не хватало на все это денег и терпения. Готовить Лауда не может. Ей приходится возиться несколько часов, чтобы сделать простой завтрак, потом начинаются нервные вскрики от усталости. Поэтому я решил готовить сам. И даже варил ей фрукты, которые она в сыром виде не ела, руководствуясь правилами своей безумной диеты. В Индии Лауда ничего не боится и порой обедает в дешевых кафе. Она считает, что здесь все натуральное и святое.

96

Видел женщину с ребенком в куче мусора, на ней было красивое красное сари. Наверное, рассказывала девочке сказку о счастливой бесконечности. Рильке пишет об этом в одном рассказе: любимый Бог нарочно делает людей неимущими, чтобы у них не нашлось возможности носить уродливую одежду. И верно, за весь день я встретил только нескольких безобразных людей: четырех европейцев, одетых в невыносимое тряпье, и двух русских со злобными, хамскими физиономиями.

97

Коровы стоят в полутьме, пережевывая пальмовые листья с отрывками упанишад, а люди спят в самых невозможных местах, задрав ноги ввысь, и вдруг натыкаешься на храм в броуновском движении Чандни-Чоук, навстречу бредут оранжевые садху. Радуется отсутствие тротуаров: ходят все по проезжей части, аварий почти не бывает, дорожных правил нет, просто успевай увертываться от скутеров и тук-туков, непрерывно сигнализирующих. Звуки транспорта прекрасно сочетаются с песнями многочисленных богослужений, поэтому современные композиторы любят посещать индийские города: симфония здесь длится с четырех утра до десяти вечера. Наиболее толково этим воспользовался Терри Райли.

98

Живописные трупы сосуществуют в Дели с кондиционированным и бесшумным метрополитеном, в чистеньких вагонах группируются глазастые черные коконы (мусульманки) и пестрые бабочки в сари: одни летают уже сейчас, а другие ждут. Кариес жизни под названием «капитализм» не может проесть зуб Индии, для этого требуется насильственно счистить защитную эмаль, как это было сделано в России и Китае с помощью марксистской идеологии.

¶

Поездка в тук-туке заставила поверить в духовную эволюцию человечества. Тысячи лет аскеты занимались особыми практиками, чтобы потомки могли колесить, пользуясь материнским капиталом внимательности, наработанным в медитациях. Водитель просто летит напролом, не задевая объекты. В какой-то миг мне показалось, что габариты нашего летающего железного ящика переменчивы.

¶

Люди мылись в разломе дороги. Вода хлестала из трубы в канаву с мужчинами, а мы проезжали мимо на рикше. Везде уличные парикмахеры.

¶

Мне кажется, что я вернулся домой, вокруг понятная жизнь. Чувство приятной странности происходящего сопровождается уверенностью, что мир крепко стоит на черепахе. Местная пища переносит меня на двадцать лет назад. В те времена мой бенгальский отчим проводывал нас чаще, превращая привычную квартиру в кабинет редкостей.

¶

Вполне удобопонятен местный способ, с помощью которого выманивают деньги: первым делом тебя называют другом: «Hello, friend!», а потом предлагают как-то провести время вместе, например съездить в разные святые места. Новый друг может кое-что рассказать и даже помочь с жильем. Цеплявшиеся в толпе «друзья» зря тратили время, откуда им было знать, что я, в сущности, их коллега?

¶

Двенадцатое сентября, Удайпур. Веселые сухощавые брахманы купаются в озере Пичола, прыгают в воду с древней постройки, барахтаются. Им нет дела до твоей болезненной озадаченности вопросом бессмертия.

¶

Очувтившись в этом белом городе, я тотчас поспешил заблудиться: вышел из отеля и побрел в лабиринт бесконечных улочек. Я рассматривал странные алтари, вделанные в стены домов, заглядывал в лавки с едой, тканями и антиквариатом: статуэтки богов и маски соседствуют здесь с водолазными скафандрами и граммофонами. За мной бегали рикши, предлагали гашиш, не обращая внимания на полицейских. Как вернуться в отель? В городе тысячи отелей, поэтому название мне не поможет. Я знал, что мы поселились рядом с искусственным озером, неподалеку от главного гхата, я помнил, что проходил мимо часовой башни — это помогло мне вернуться в гестхаус, где терзалась замученная путешествиями Лауда.

¶

Мы пробыли в Удайпуре около недели, хотя здесь можно прожить несколько хороших жизней. Просто раз за разом неспешно стареть, обсуждая меню в кафе на кры-

шах, потягивать ром, наблюдая, как огромная летучая лисица с крыльями Бэтмена пролетает над здоровенным красным шаром, падающим за холмы, которые окаймляют фантастический городской пейзаж с дворцами на воде.

↵

Я хотел остаться в Удайпуре навсегда: носить курту и тюрбан думаллу, использовать русский алфавит, но корчить буквы, словно им суждено переселиться в деванагари, жить в белой комнате с видом на белые хавели, меланхолично созерцая лягушачью икру жизни. Стать легендарным русскоязычным писателем, сбежавшим в индийскую поэму.

↵

В детстве я взялся по книгам отчима изучать язык бенгали. Занимался самостоятельно, поэтому осилил только числительные. Теперь неуклюжие закорючки кажутся мне совсем игрушечными — это мои секретные знаки, я сумел их выкрасть из потайного шкафа. Больше всего мне нравится лицевость цифр ৫ и ৬ (пять и шесть), а в детстве очень тревожило оборотничество цифры ৪ (четыре), которая преждевременно обрела форму бесконечности, не помножив себя на два. А что стало с законной обладательницей округлых форм — с восьмеркой? Она превратилась в какую-то корову с надломленным рогом (৮), в летящего гуся, в стульчак.

↵

Мумбаи. Пришлось отбиваться от обезьян в парке Боривали. Красивая белая гусеница оказалась ядовитой, ее многочисленные сестры закрались в складки моей одежды, пройдясь по руке пушистыми тельцами, оставили ожоги. Фланируя по живописным трущобам, я испытывал не свойственное мне сострадание к попрошайкам.

↵

Я люблю нищих, которые довольны своей участью и не завидуют человеку в белой шляпе, тоже небогату. Правда, у меня есть десять рупий, на которые эта старуха, давно превратившаяся в кожу и кости, но способная еще искренне улыбаться, купит себе чапати. Если же я не дам ей десять рупий, она не плюнет мне вслед. Мне нравится смотреть на людей, спящих на улице. Когда вижу все это, я вхожу в неопишное молитвенное настроение, бог многорукий улыбается мне губами бездомной женщины в ярком сари; она сидит в куче мусора под мостом и кормит грудью ребенка.

↵

Мечети, храмы, ступы, люди с двойными зрачками, коровы со свастиками между рогов, мужчины с саблями, девушки в хне; и так большая часть мира: если не покойники на гхатах, то какой-нибудь зарезанный козел, какие-нибудь погребальные фантики для предков, пасхальные яйца. И повсеместно колонны, обвитые цветочными гирляндами. О какой победе Запада говорили традиционалисты? Куда они смотрели? Современная западная цивилизация — это чахлая девочка, ее надо беречь, а то помрет.

↵

Однажды эту взбалмошную девочку побьют и прогонят бамбуковыми палками. Хороший музыкант Питер Кристоферсон поселился в Таиланде <...>. Разве не так? И ты-

сячи ему подобных наслаждаются анальным десертом позднего колониализма, но когда-нибудь каждого из них посадят за это на кол. Арабы в Париже и Лондоне — только начало расплаты.

♣♣

Как-то раз я провожал на вокзал известного консервативного философа. Мы ехали в такси, я попросил рассказать об Индии, откуда он вернулся недавно. Бородач заявил, что в Индии уже ничего настоящего нет, просто какие-то нищие люди жгут автомобильные покрышки. Вот и все, что смог увидеть традиционалист: горящие покрышки. Мир — это цветы и мед, мир — это дерьмо и помойка. Пчела и муха попали в один автомобиль.

♣♫

Я вспоминаю достопамятные времена, эти без малого три года, когда я состоял в Международном евразийском движении, был руководителем Санкт-Петербургского филиала Центра консервативных исследований и даже начальствовал северо-западной сетевой ставкой Евразийского союза молодежи. Все началось в декабре 2011-го, а зимой 2014-го меня вдруг стало тошнить от вездесущности той риторики, которую я считал заведомо проигрышной. Да, я стал евразийцем именно вследствие провального героизма задачи. Речь же шла о пустяке — об уничтожении мира путем эскалации геополитического конфликта, вплоть до тотальной ядерной войны.

♫♦

Собрал одиннадцать раковин *Clanculus pharaonius*, которые в детстве очень ценил, но тогда их приходилось покупать в магазине, а теперь они валяются под ногами, похожи на купола Василия Блаженного. От города до моря я добирался интуитивно: не зная пути, кое-как объясняясь на английском, еще с большим трудом понимая доброжелательно-фаталистическое бормотание индусов, я просто шел на запах и наугад. А первые полтора часа и вовсе в другую сторону. Луга, окаймленные пальмами, смотрятся непривычно, хотя в них тоже пасутся коровы, иногда встречаются католические храмы, собаки спокойны. Во время прогулки к Аравийскому морю я четырежды намеревался повернуть назад, ведь только во второй раз выбрался из дома в незнакомом городе, я даже не знал названия улицы, на которой живу. У меня не было с собой телефона, но я не пошел обратно и через три часа добрался до моря.

♫♫

Всегда считал, что надо дружить с проклятыми маргиналами и аутсайдерами. Тусовка российских традиционалистов вполне соответствовала моим запросам. Это были обыкновенные бесы, о которых некогда писал Достоевский. Различие заключается лишь в направленности движения: если прежние бесы были прогрессистами, то нынешние нигилисты стремятся все вернуть назад. Сходство состоит в полном отрицании настоящего, в готовности все сжечь во имя утопии. Но современные русские традиционалисты отличаются особенной поэтичностью, полным отсутствием скучной логики, красочной галлюциногенностью политических видений. Оказавшись в этой среде, я сразу же диву дался ее цветущей сложности. Здесь все были вперемешку: телемиты, мальчишки и девочки, считающие себя колдунами, доморощенные алхимики, последователи эзотериче-

ского гитлеризма, консервативные революционеры, начитавшиеся книжек по геополитике и потому страдавшие латентной водобоязнью. Общество наше украшали арабески разношерстных мусульман и филигранные узорчики пивных черносотенцев, которые, впрочем, держались стороной. Всех объединяла какая-то извращенность души, любовь ко всему негативному: одни раскапывали могилы, охотясь за черепами, другие молились Кали, а третьи переводили «Мою борьбу» с урду на язык узелкового письма.

Муссон в этом году затянулся, поэтому вода немножко не в себе. Не следует забывать, что слово «трансгрессия» — это геологический термин, означающий явление, при котором уровень моря повышается относительно земли. В ситуации перманентного потопы трансгрессия неосуществима: безумие, экстаз, смерть, извращение, аффект подверглись инфляции, стали буржуазной обыденностью. При порноκραтии нелепо говорить о трансгрессивном эротическом жесте, он будет выглядеть смешно, если, конечно, заранее не сделан саркастически, поэтому сегодня контркультурный пафос выглядит несуразно. Капитал пережевал и усвоил все яства из меню битников, теперь их преподносят в виде музыкальных клипов и отпускают по рецепту.

Я часто разгуливаю по берегу. Море выбрасывает разные предметы: зеленую лампочку, какой-то черный шарик, маленького ската, кальмара, змею, медузу, недавно я нашел странную разноцветную коробочку, внутри была только вода. Я часто приезжаю в курортную зону, а живу в настоящем индийском захолустье, питаюсь в дхабах, чтобы прикоснуться к местной кухне. К острой пище я привык с детства. Забавно, что индийские закуски, которые отчим лишь изредка привозил, мы считали экзотикой и деликатесом, а здесь они продаются в каждой уличной лавке и стоят копейки. Для Лауды готовят брахманы, служители храма. Я каждый день хожу к ним за едой. Их жилище неопрятностью похоже на советский деревенский дом, только сидят здесь на полу. Пузатые брахманы, отец и сын, подолгу заматываются в белые ткани, бормочут молитвы. У входа горит огонек в медной лампе, на земле цветной пудрой начертаны какие-то охранительные знаки. К брахманам часто приходят клиенты за астрологической помощью. Жрецы, преисполненные важности, листают книги с таблицами небесных тел, чешутся и значительно рыгают. Одно время я тоже питался их едой, но мне она показалась пресной, хотя в дхабах запросто можно подхватить какую-нибудь неизлечимую заразу. Поздно вечером открываются полутемные бары, где возникает чувство, что попал в другое столетие. Посетители этих замшелых алкогольных ангаров удивительно деликатны и тихи. Я стараюсь напиться довольно-таки сильно, тем более что виски здесь ничего не стоит, а гоанской пальмовой водкой меня и вовсе угощали бесплатно.

Пожалуй, я слишком традиционен для традиционалистов. Кроме того, я никогда не был ни оккультным, ни бытовым антисемитом, что затрудняло встречи с известным одиозным публицистом, отрицавшим холокост. Как-то раз — это было после очередной конференции в МГУ — мы сидели за одним столиком с этим человеком. И вдруг он бросил рассуждать о еврейской бороде небезызвестного традиционалиста, вспомнив

о своих голодных собачках. Засобирался. Меня подмывало опередить его, вломиться к нему домой, добраться до плиты и напоить песиков природным газом, а потом написать книгу о том, что ничего такого и не случилось, не было собачек вовсе. Это знакомство расколдовало меня: я вдруг понял, что прямо здесь, в ресторане, рискую облевать непереваренной радужной форелью своих нордических коллег, что никакой литературный материал не стоит таких мучений.

»

За стенкой индийский католик упражняется в пении, а на улице гремит языческая процессия. Я вышел посмотреть на нее: в одну сторону повезли переломленного пополам пятиметрового демона, за ним промелькнула огромная рыба, тоже на грузовичке, а по моей улице прошествовала колонна оранжевых барабанщиков, за ней — прицеп с алтарем Парвати и брахманами.

»

Какой антисемитизм? Я вырос на Пастернаке и Мандельштаме, в детстве мне читали Джойса вместо сказок. Хватит с меня комсомольских поездок на Кавказ и прогулок с А. Д. на высоте три тысячи метров над уровнем человека, хватит с меня публикаций в плохо сверстанных научных сборниках МГУ. В тот вечер, выйдя из дурного московского ресторана, я отправился бродить по столице нашей картонной империи. Я бродил вдоль Яузы, а потом уснул под каким-то мостом. Мне снились резвящиеся сучки антисемита, бороды, обвивающие земной шар, декадентки со звездами хаоса на предплечьях, топор с лазерным прицелом и подписью «Мы все вернем назад». Когда я проснулся, то понял, что больше не собираюсь уничтожать мир, что есть дела поважней. Я купил бутылку кьянти и позвонил знакомой художнице.

»

Отсутствие осени похоже на монофизитскую ересь: природа показывает не больше одного тела. Плесень поедает ненужный пиджак. Банановая трава и кокосовые пальмы безучастны к полоумному октябрю; вечное лето — прозаичный сезон. Иногда Маргао заполняют стрекозы, превращая округу в иллюстрацию к советской сказке, и Рикки-Тикки-Тави воровато бежит под крыльцо, бросая меня к виниловым пластинкам гриппозного детства. Аравийское море теплее слюны петербургских спасительниц, тоже хватает щупальцами, обволакивает медузным желе, будто бы выпавшим из безотказных ртов моих дочерей иерусалимских. Почему до сих пор не придумали алкоголь обратного действия, охлаждающий до невменяемой трезвости? Потому что есть сенча, есть жидкая музыка Фельдмана. Когда заказываешь в кафе два рома и джин, официанты восхищаются мужеством и приносят лишнюю рюмку бесплатно. Я пожаловался аюрведическому врачу на глаза, он прописал мне лекарство от женского бесплодия: тотчас вернись в любимое межсезонье, когда начну рожать зрочками.

»

.....
.....
.....

»»

С другой стороны, я не жалею, что связался с правыми радикалами. Впервые я приехал в традиционалистский штаб прямиком с подмосковной дачи, где отмечал Новый год с леволиберальными поэтами; там были Г. Р., Д. С., П. Р., по телефону нас поздравляла Саша Ц. Правда, в 2012 году Д. С. была еще православной, а не шизофеминисткой третьей волны. Я к ней подкатывал всю ночь, рассказывал об апофатическом богословии, мы даже намеревались куда-то ехать вместе. Уже тогда было понятно, что все эти конъюнктурщики занимаются карьерой, а не поэзией. Куда лучше оккультные фашисты...

»»»

Главная цель путешествия — циновки. Я не надеюсь получить посвящение в какую-нибудь душеспасительную практику. Разве что двинуть в Бодхгаю или Дхарамсалу и там принять прибежище в дхарме Будды? Но болезненная Лауда не выдержит еще одного вояжа через всю страну, ведь мы уже проехали от Дели до Маргао, делая остановки в Удайпуре и Мумбаи, сражаясь с гусеницами, обезьянами и невообразимой жарой. Кроме того, можно принять буддизм и в петербургском дацане. А пока что Лауда занимается йогой у местного гуру Хаймана, прямо у нас во дворе. По утрам я слышу, как они поют мантры. Мы живем на комфортабельном складе лекарств, здесь стоит кровать с балдахинном, есть хорошая душевая комната, вентилятор на потолке, ежедневно к нам приходит уборщица Майя, она же занимается стиркой. Иногда кто-нибудь из персонала клиники является за лекарствами. Над нами возвышаются хлебные деревья, летучие лисицы по вечерам визжат в кронах, у калитки моей растут бамбук и банан. Днем я изучаю рассыпчатость мира: мне интересны трущобы и полуразрушенные колониальные постройки, мне хочется видеть людей, которые спят на земле. Почти каждый вечер в храме наших поваров-брахманов музыканты исполняют раги. К белым здесь относятся с равнодушной доброжелательностью, хотя Лауда в сари выглядит довольно-таки дерзко.

»»»

Хаймана порой замещает испанка. Интересное дело: европеец преподает йогу индусам. Я тоже проводил занятия, на пляже в Кавелоссиме, правда, моими учениками были русские доходяги.

»»»

Видел газеты, в которых проставлено несколько дат: по индийскому календарю, по сикхскому, летоисчисление от хиджры, от Р. Х.

»»»

Историческое сознание, возникшее в христианстве, породило идею ускорения, которое нуждается в технической поддержке. Именно в этом и следует искать причины невротизации Запада. В Индии есть множество бед, но складывается впечатление, что почти нет невроза. Техника существует здесь в ином режиме. Идея линейного времени отсутствует, что сказывается даже на материально-телесном уровне. Католичек я вычисляю по нелепой одежде и несколько искаженному выражению лица.

208

В Индии бросается в глаза главная черта русских — недостаточность витальной силы, истощенность, скрываемая под тучной или аморфной оболочкой. На фоне тощих индусов, украшенных серьгами и браслетами, русские мужчины выглядят кастрированными. Самый нищий индус светится своей объективной исторической победой.

Раньше я только интуитивно чувствовал эту особенность русских, но не умел сформулировать. Интересно, что европейцы нездоровы, кривоваты, но в них нет характерной трусливой забитости русских, которая всегда компенсируется хамством и поведенческой неряшливостью.

208

Польский ресентимент породил изящную маскулинность: исторический провал прячется за внешней выдержкой поляков, подчеркнутой отесанностью, все это может быть опасно для феминистического мира. Но средний русский мужик, озлобленный на весь мир, до сих пор совершенно лишен пола (и зачастую подкаблучник), отсюда склонность к бабскому скандализму и боязнь демонстративного джентльменства.

209

Многие путешественники, побывавшие в Индии, говорят, что здесь нестерпимо воняет. Я порой чувствовал сладковато-гнилостный душок в Удайпуре, хотя это чистый город по сравнению с Дели. Так и не понял, откуда исходил неприятный запах. От него можно было спрятаться на крышах, где располагаются террасы кафе. <...> В Индии больше приятных запахов, чем дурных, из-за жары и влажности обоняние сходит с ума. И только неправдоподобно изнасилованная Вера заставила меня по-настоящему страдать от ужасного зловония.

209

Она вдруг появилась у нас на складе, эта русская бабища, и завалилась дрыхнуть. Согласно легенде, которую мне поведала Лауда, Вера чуть ли не пешком доплелась в Маргао из Колвы, где ее несколько часов назад изнасиловал русский бандит, владелец коттеджа, должно быть, лютый извращенец, ибо Вера выглядела действительно устрашающе: эдакий бесформенный ком с ежиком на голове. Войдя в город Маргао, она тотчас наткнулась на аюрведический центр. Так Вера вошла в нашу жизнь, тихими стопами бегемота. Сначала девушка казалась блаженной и беззаботной, но Лауда диагностировала шок у жертвы насилия. Она стала ежедневно являться, чтобы зарядить свой телефон или воспользоваться бесплатным Интернетом. Потом она выторговала за полцены замшелую комнатуху без окон, где-то в глубине индийского дома-лабиринта, по соседству с нами. Я помог ей доволочить огромный рюкзак. По-английски она знала несколько слов, но это не помешало Вере проделать путь через полстраны и довольно успешно торговаться с индусами. От Веры отвратительно пахло. Ненароком я сказал ей, что в Индии мне приходится принимать душ около семи раз в день, тогда как в России я моюсь не чаще трех раз в сутки. Вера заявила, что мыться вредно. Я мог распознать близость Веры по запаху гнили.

208

Демонстративно матерясь, Вера заявляла, что мы говорим слишком правильно. Она критиковала мои белые штаны и относительно свежие рубашки, хотя я уже давно

плюнул на свой внешний вид, даже ходил в нечищенной обуви, и только белая шляпа с широкими полями выдавала во мне колонизатора.

309

Я стал подозревать, что вонючую девушку подослали ко мне бывшие однопартийцы, ультраправые оккультисты: в отместку за разоблачительные статьи подкинули зловонную бомбу. На всякий случай я отыскал Веру в социальных сетях, ведь она оставила нам свой паспорт на хранение. Она и впрямь состояла в нескольких подозрительных группах, меня это насторожило, но потом я понял, что мне все равно, пускай даже из этой бомбы-вонючки повылезают голубые скорпионы. Вскоре она выключила у какого-то оранжевого бабы намаленные четки, за которыми, согласно преданию, явилась в Индию, и возвратилась чартером в Москву.

310

Вечером накануне отъезда мы сидели в городском парке Маргао, нас окружали цветущие деревья, вопящие дети, продавцы воздушных шариков и мороженого, птицы бушевали в древесных кронах. Я чувствовал, что Индия для меня так и осталась непознанной загадочной женщиной, о которой я буду помнить всю жизнь. Это большая редкость: я не сталкивался в последнее время с таким явлением, которое не разочаровывало спустя несколько месяцев, дней или даже часов. Хуже всего, когда тобой овладевает пресыщенность не только излишествами, но и самодисциплиной.

311

Циновками торгуют мусульмане, используют их для намаза. Я боялся, что нас не пустят в самолет с таким свертком, а в Москве его просто выкинули. На движущейся багажной дорожке наших циновок не было. Нам показали каморку, где складировались брошенные сумки, но мы увидели, что мешок стоит возле двери, снаружи, без всякого присмотра. Когда неуместность предмета переходит все возможные пределы, его грубо выталкивают гравитационные силы этого мира.

312

Мусульманские циновки мне понадобились, чтобы в русской деревне создать комнату в японском стиле.

313

Обычные воспоминания перерисовываются со временем: мы каждый раз вспоминаем по-другому, мы обращаемся не к первичной карте, а к плану карты и в следующий раз уже берем схему плана карты, но индийские мои воспоминания совсем не меняются. Уже год прошел, а я все брожу по меланхоличному берегу Аравийского моря, вдыхая шафрановую мглу.

318

.....

๓๓๘

Глина позволяет свободно распоряжаться формами, сглаживать углы, добавлять бугры. Один архитектор написал манифест против ровного пола: прямые поверхности неестественны, а потому вредны для душевного и телесного здоровья. Плавные подъемы и спуски создают качественный ландшафт интерьера.

๓๓๙

На стенах своего чайного дома я вылепил щупальца. Барельефы — еще одна бесплатная роскошь. Тентакли вылезают из-под ванны, скрещиваются извивными свастиками.

๓๔๐

Заменяю умывальник огромным полым бревном, оно расширяется кверху, так что несложно было вылепить цементную чашу. Украсил ее ракушками, которые собрал на берегу Аравийского моря.

๓๔๑

Осталось переделать старую печь в камин и вставить в оконные рамы цветные стекла. В моем доме три комнаты. В прихожей находятся печь, железная ванна, деревянный умывальник и стол, переделанный из старого сундука, кроме того, я не позволил соседям забрать старинный буфет. Сакральное пространство для чайной церемонии: здесь имеется ниша токонома, в ней висит черно-белая живописная клякса Алины Мухоблиновой, а для рисунка ее папы я пока не нашел места; пол устлан индийскими циновками, в центре — длинный столик на низких ножках, в нем растет мох, который частично прикрыт стеклом. В третьей комнате располагается спальное место, подвешенное на цепях, здесь же я прибил вешалки для одежды и соорудил из ставен и досок высокий деревянный стул-постамент под электроплитку. В прихожей есть винтажное кресло и несколько старинных стульев, а в чайной комнате лежат подушки с японским орнаментом. Прихожая не меньше двадцати квадратных метров, чайное пространство не больше пятнадцати, а третья комната маленькая, метров семь. Спальня с кораблем-постелью не отгорожена полностью, от чайной комнаты ее отделяют лишь четыре деревянные балки, которые я покрасил в черный цвет, а между ними повесил бамбуковые занавески.

๓๔๒

.....
.....
.....

๓๔๓

Этой весной трава выросла очень быстро и высоко, возбудив соседей. Со всех сторон раздается невыносимый шум электрических косилок, словно из последних сил этот народ, замученный внутренней дикой природой, пустился в отчаянную борьбу с природой внешней. Мои соседи не выращивают хлеб, чтобы выжить, но день напролет они прозябают, закапываются по горло в землю, стремясь облагородить участки, а те ста-

новятся все более уродливыми. Посмотрев на этих ползающих существ, живущих вниз лицом, я понял, что надо завязывать с хозяйственными делами.

»»»

По соседству режут свиней, чей визг может спокойно перенести только моллюск. Прозябающий мир похож на корень хмеля, который разрастается так, что плети растения заполняют все свободное пространство.

»»»

Мои родственники, должно быть, слегка тронувшись умом, изуродовали свой дом пластиковыми окнами. Зато теперь старые рамы со стеклами оказались бесхозными. Я уже сколотил из них входные двери, а теперь хочу построить на меловом холме за рекой, где вообще никого нет, стеклянный домик. Это напоминает обратное движение в системе Джамбаттиста Вико: «Порядок вещей человеческих таков: сначала были леса, потом — хижины, затем — деревни, после — города, наконец — академии». Все верно: я покинул академию, затем город, а теперь подумываю перебраться в хижину. Хотелось бы в итоге стать араньяком — лесным философом.

»»»

На холмах растения пахнут иначе. В июльский полдень горячий ветер нагревает разнотравье, и вас обдает ароматными волнами. Это необычные и даже загадочные места, но вполне дружелюбные из-за мела и детства, с которым они крепко связаны. С троюродной сестрой мы собирали на холмах окаменелые раковины белемнитов — древних моллюсков, похожие на пальцы самого дьявола, так и называют их здесь — чертовы пальцы. Чаще всего попадались мелкие осколки, лишь изредка удавалось найти крупный палец. Местные жители считают, что пальцы — это почва, запекаясь от удара молнии. Белемниты гладки, немного напоминают янтарь, но темней и тверже. Порошок белемнитов заживляет раны.

»»»

Чтобы построить здесь жилье, придется поплавать с окнами. Лодки у меня нет, но это не беда, вода умалет вес. Можно было бы сколотить оконную хижину среди невысоких сосен, дубов и плодовых деревьев на вершине мелового холма, где начинается смешанный лес, но еще не скрытан ветвями вид на реку, на склоны холмов и на луга, облитые светящейся солнечной мглой. Достаточно десяти окон.

»»»

Письмо небезызвестного писателя М. Ш. заставило меня основательней задуматься о переезде на холмы.

Дорогой Антон!

Правильно сделали, что написали! Спасибо!

Прочитал Вашу «Ветошницу». Поздравлю Вас с этим текстом!

Вы хотели узнать мое мнение об этом романе. Из текста прет мощный молодой дар. Это завораживает. От Ваших слов иногда схватывает где-то под ложечкой, наверно, от зависти. Ваш дар очень радует. Но молодость этот дар захлестывает. Чисто

по-человечески роман еще совершенно не зрелый. Это не вина и не беда, это гандикап, с которым любому автору приходится играть в начале пути. Но этот гандикап быстро проходит — с рождением своих детей, со смертью любимых. Но это Вы все сами прекрасно без меня знаете. Так что самое главное — удивительное мастерство — у Вас уже есть. А второе самое главное — появится хочешь не хочешь.

Надеюсь, что Ваш путь будет долгим и удачным. Пишите!

мш

๓๓๖

Построю себе теплицу из старых окон, чтобы дозреть в ней. Сделаю глиняный фундамент. Для пола подойдут древесные спилы, отполирую их пчелиным воском. Чтобы зреть, следует неплохо высыпаться, поэтому нужны большой удобный матрас и черное постельное белье. Для холодного времени обзаведусь буржуйкой, а в теплый сезон обойдусь газовой горелкой. Буду готовить на ней суп мисосиру.

๓๓๙

Борис Аверин по-другому отзывался о моей прозе. Он сказал, что я обладаю незаурядным видением, превосходно владею языком и создаю удивительные образы. Он повторил несколько раз, что говорит это не из вежливости, а искренне. Мою поэму в прозе Борис Валентинович лично отнес редактору журнала «Нева», так как это чрезвычайно плотный и экспериментальный текст. Аверин прочитал его с большим удовольствием, хотя и не без усилий. Уверял меня, что поэму нигде не станут публиковать из-за пикантного содержания и стилистической сложности. Через несколько дней после его встречи с редактором, восьмого ноября, ко мне пришло уведомительное письмо о публикации поэмы в 2019 году. А четвертого января Аверин умер.

๓๓๮

Зеленый от похмелья и бессонницы, я десять лет блуждал по Петербургу, переезжая из квартиры в квартиру, влача за собой гардероб, шесть чемоданов книг и пятнадцатилитровый аквариум рукописей. Меня пять лет удобряли теологией и философией, кроме того, я был неплохо унавожен в браке. Но я оплатил пошлину на развод, предал кафедры и покатился недоспелым огурцом в разнообразные постели, залитые вином и слезами чахоточных поэтесс.

๓๓๯

Неоднократно замечал, что на растущей луне пишется лучше.

๓๔๐

Излишки солнца только вредят, поэтому большинство стекол заклею черной волокнистой бумагой.

๓๔๑

Аверин сказал мне: «Сначала я подумал, что автор алкоголик, наркоман и сексуальный извращенец, но потом понял, что суть не в этом».

102

Снял с чердака три ножных протеза моего прадеда: старые советские штуковины, хорошо сохранились, все на левую ногу, коричневые, со шнуровкой сзади, чем-то похожи на доспехи. А кожаные ремешки-застежки сгодились бы для ошейника. Киевлянка просила, чтобы я сообразил ей ошейник. Но тогда протезов не было под рукой.

100

Аверин советовал поменьше уделять внимания эротическому. В сексе нет ничего особенного, говорил Борис Валентинович.

108

Раньше мне помогала с переездом Верлицкая, имя неизвестно: иной раз Саша, иной раз Катя. Причем лицо у нее значительно менялось в зависимости от имени. Я подозреваю, что было две сестры. Когда мне надоедала квартира, когда я чувствовал, что надо улепетывать, я прибегал к услугам Саши или Кати. В фильме Робера Брессона «Вероятно, дьявол» герой не может самостоятельно расстаться с жизнью, он перепоручает это дело приятелю-наркоману. Так и я: когда не мог сбежать, вызывал Сашу или Катю Верлицкую. Она приезжала пьяная с тремя бутылками шампанского, которые мы опустошали за двадцать минут, а потом шли в магазин, чтобы купить добавку. Вскоре Саша учиняла скандал с разгромом и воплями. Иногда мы эротически дрались: я бил ее по лицу так, что очки слетали, ей нравилось, но никакого секса, только поцелуи, драки, оскорбления, погони. Иной раз она могла прихватить с собой совершенно неожиданного человека. Скажем, я сажусь в такси, а там уже сидит ученик Гейдара Джахидовича Джемаля.

106

Мы переписывались по e-mail, раздраженно спорили о метафизике, а потом Джемаль высказался о литературе. Это стало последней каплей, привожу его письмо без каких-либо изменений и комментариев: «Чтобы не было терминологических недоговоренностей: Владимир Соловьев воплощает образцовый банал... так же как, впрочем, Лев Толстой, ухитрившийся соединить космистский поток „всеединства“ с дробно-бессвязной „снэпшотностью“ в одном флаконе! Поскольку банал заразителен, толстовщина породила бесчисленные „столетия одиночества“, составляющие сегодня 99 % литературы. Небанал — Достоевский, а сегодня, например, Сорокин».

106

Я решил сначала нагрязнать в Петербург, а потом уже переселяться на холмы. Лауда разрешила пожить у нее пару недель. Да и в комнате у Педагога есть свободный диван. Он живет на Малой Подьяческой, коллекционирует виниловые пластинки, книги о Дягилеве, военные шинели и кепки в ретростиле. Считает себя денди. Периодически Педагог прореживает свой гардероб, и мне достаются бархатные пиджаки, шляпы, изящные подтяжки, галстуки. Некоторое время я ходил в его котелке. У Педагога имеется и гусарская форма, есть фрак, сапоги, в которых он является в джазовый бар на

улице Белинского. Несмотря на дендизм, он живет в загаженной кошками зловонной коммуналке, работает учителем русского языка в армянской школе и заваривает чайные пакетики. С ним я часто брожу по барам в поисках жены, о которой он мечтает. Пью за чужой счет и знакомлюсь с барышнями, чтобы подыскать своему приятелю супругу. Обычно все заканчивается тем, что я целуюсь с новой дамой на поребрике, а поутру воскресая в мрачном похмелье.

379

Педагог совсем не жадный, он даже чистое полотенце мне выдает, хотя зубную пасту прячет. На завтрак мы жарим яичницу, ведь в Петербурге я начинаю употреблять яйца, даже перепелиные (как говорила моя бывшая жена, если перепил, поможет перепел), чтобы с похмелья не падать в обморок. Пьянство плохо сочетается с вегетарианством.

378

Если было совсем тяжело и нечего есть, Педагог покупал у меня книги. Я за бесценок продал ему несколько томов Эрнста Юнгера, собрание сочинений Платона и многое другое. Правда, он книги не читает, а только изящно расставляет на полках. Зато у Педагога всегда можно позаимствовать томик Фуко или Барта. Об этих авторах у него весьма смутные представления, но в тени книжных корешков, должно быть, приятнее спать. Продал я ему и свое желтое пальто, чтобы вернуть долг одному несостоявшемуся художнику.

379

Все девушки бросают его, когда он слишком поспешно заводит речь о женитьбе. Я уведомлен, что слишком поспешно случается у Педагога и кое-что другое — это и становится причиной отказа. Быть может, еще сказываются немодная профессия, неискоренимый дурной запах изо рта, перхоть и визгливый смех? Педагог хочет найти девушку, которая оценит его неповторимый стиль: шинель с подкладкой, кепка дворника, сапоги всадника. Недавно Педагог собирался купить английские военные кальсоны 1916 года выпуска. Педагог хочет найти девственницу, ведь только неопытная поверит, что половой акт должен длиться полминуты. Я поинтересовался, не считает ли он свое намерение подленьким, но Педагог совсем не обиделся и подарил мне «Кодекс чести русского офицера».

380

С другой стороны, почему бы и не посочувствовать Педагогу, ведь все мы заперты в кожаных ризах, всех нас ожидает одна ночь? Мы снашиваемся, а кто-то изначально поломан. Зачем же глумиться над сокамерником?

385

Однажды я в шутку посоветовал Педагогу жениться на Киевлянке. <...> Педагогу, конечно, пришлось бы кое-чему обучиться, чтобы удовлетворить ее запросы.

382

.....

380

В джазовом баре «Шляпа» на улице Белинского меня считают завсегдатаем и пропускают бесплатно. А я недолюбливаю всяческие реконструкции. Когда современные буржуазные мальчишки и девочки играют в джаз, это выглядит смешно и нелепо. Дошло до того, что Билли, владелец бара и музыкант, которого я ни во что не ставлю, стал со мной здороваться.

388

У Педагога кошками воняет нестерпимо, поэтому вскоре придется переезжать в обитель рвотных муз — к Великому Композитору, любителю Уствольской, Берга и пива с водкой. Он сочиняет, как сам выражается, «лютую атональщину», а напивается до такого состояния, что штаны промачивает; иногда заглядывает к содомскому беллетристу А. И. Великий Композитор один раз измочил А. И. диван, но все-таки не позволил себя поиметь, хотя беллетрист пытался: классические петербургские обстоятельства. Один профессор, говорят, каждый день кончал в миг залпа с Нарышкина бастиона.

386

Недавно Великий Композитор облевал всю комнату беременной минской поэтессы. В этой комнате жили тараканы и клопы, но поэтесса говорила, что любит животных. Я там существовал почти две недели. Она оставляла мне ключи, а сама проваливала в торговый центр, где целый день порхала в костюме с крылышками, раздавая листовки — рекламировала салон с экзотическими бабочками. Интересное совпадение: в комнате поэтессы я нашел номер журнала «Нева» с моим первым романом, в котором обитают подобные насекомые; всюду меня подстерегали таинственные хризалиды.

380

Однажды Композитор заглянул к нам вечерком, напился и заблевал комнату поэтессы. Нехотя вытер свою рвоту, но потом его стошнило еще. Когда Великого Композитора вырвало в третий раз, поэтесса не выдержала и попросила гостя удалиться, тем более что метро уже открылось. Композитор на нее смертельно обиделся.

389

Как-то раз в одном интеллектуальном притоне Великий Композитор рассказывал об Альбане Берге. Но лекция нечаянно превратилась в концептуальный перформанс, когда докладчика вытошнило прямо на грудь слушателю. Штука в том, что в тот раз фамилия Берг стала звукоподражательной, ведь с похожим звуком и опорожняется желудок: бе-е-е-рг.

»87

Согласно буддийской школе Прасангика-Мадхьямика, когда голодный адский дух, человек и некий бог смотрят на чашу с жидкостью, то первый видит в ней слизь, второй — воду, а третий — нектар. Если бы вещи подлинно существовали в себе, то это было бы невозможно. Поскольку вещи в себе существуют лишь условно, то могут проявляться различно, находясь в зависимости от природы восприятия. Когда голодный адский дух приезжает в Петербург, то видит здесь одну лишь рвоту, когда сюда является человек, то наблюдает Неву и Фонтанку, когда в Петербург навевается некий бог, то всюду созерцает радужные опята, оранжево-голубую сирень и трехглазых барышень, хорошенько смазанных банановым конфитюром. Но только Будда способен одновременно воспринимать все модусы несуществующего города. Ergo: если хочешь уподобиться Будде, не следует игнорировать рвоту.

»88

Есть психологическая теория кастрации. Когда ты подросток, родители пытаются остричь твоё бессознательное, подрезать твоё либидо, дисциплинировать. Если операция проходит успешно, человек становится управляемым, а зачастую — слишком управляемым. Со мной так поступить не получилось. Моя дубина торчит во всю семнадцатисантиметровую длину своей неадекватности. Школу я прогулял, армию — надурил. Потом обучился богословию и философии. Даже гопники, которые меня преследовали, давно подошли в тюрьме, чему я несказанно рад. А Великого Композитора кастрировала собственная мать. Сначала его бил отчим, поэтому он стал жалким алкоголиком, а теперь мамаша собственноручно ширяет его лекарством, которое превращает алкоголь в яд. <...> Ужас: Композитор дважды кастрирован собственной матерью!! Его не интересует изысканная еда, красивая одежда, роскошь, путешествия и природа, он безрезультатно долбит по клавишам с утра до вечера, когда не на работе, в которую его смыли родственники. Отчим растолок его кулаком в кучу, в ком похмельно-го мяса. <...> Потом они нажали на слив — и Композитора засосало в канализацию постыдной работенки.

»89

.....
.....
.....

»90

Однажды, когда я уже исчерпал гостеприимность Педагога и Великого Композитора, когда жить было решительно негде, Алина Мухоблинова нашла мне временный приют у своей однокурсницы, студентки Государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова. Грудастая и губастая пианистка Наташа снимала неплохую конуру возле Мариинского театра. В квартире стоял рояль, имелись запасы абсента, кальян и залежи чая пуэра, короче, было щедрое богословское меню. <...> Она как раз собралась улетать к мужу в Нью-Йорк, а в пустующих квартирах, как известно, заводятся бого-слова. С мужем Наташа познакомилась на сайте «Содержанки», на котором зарегистрировалась, как сама утверждала, ради интереса, но там ей подвернулся какой-то ин-

тересный мужик. На самом деле Наташа содержанкой быть не желала, поэтому сама зарабатывала даже на билеты в Америку. Муж не видел ничего зазорного в ее работе.

»»»

Пианистка улетела не сразу, мне пришлось еще пожить с ней около недели и выслушать ее ужасные истории. Например, некоторое время она работала в студии, где ей за особую плату предлагали исполнять желания особенно изощренных клиентов: давить ногами новорожденных крысят.

»»»

Наташа, судя по всему, хотела, чтобы я немножко приударил за ней, но я даже изобразить не мог приставания, так она была мне отвратительна со своей грудью. Пианистка привыкла к мужскому вниманию и точно знала, что я не гей, поэтому постепенно впала в ярость, ведь я совсем равнодушно созерцал ее вечно полурасстегнутый халатик. В женщинах меня отталкивает не только излишняя скромность, но и чрезмерная грубость. Пианистка не могла меня просто выгнать, ибо не хотела поссориться с подругой.

»»»

Наташа запретила во время ее отсутствия приводить кого-либо в квартиру, кроме Алины, конечно. Я не выполнил этого условия: ко мне наведывалась Понка, вместе с которой я допил весь абсент и пуэр, докурив остатки кальянного табака.

»»»

Алина играла мне на рояле Наташи «Сатаническую поэму» Скрябина и гносиенны Сати, вечером я провожал ее домой на Малую Подьяческую, ведь не позже 22:00 она должна возвращаться — такие правила установила ее мать. Проводив Алину, я встретил Понку на Сенной площади.

»»»

Не могу сказать, что меня радовал избыток женского внимания, скорее, захватывал сюжет. В том-то и проблема, что мне больше нравится сидеть в деревенской глуши, но я слишком рано, в тринадцать лет, стал читать романы Генри Миллера, которые внушили ложную страсть к урбанистической эротике. Когда первые ноябрьские льдины с хрустом врезаются в берег, сверкая на солнце, сколько в этом тепла; и сколько холода в горячих объятиях нелюбимой женщины.

»»»

Я кое-что разузнал о бывшем хозяине и строителе моей чайной хижины. Он три раза сидел в тюрьме, всегда за поножовщину. В сундуке я нашел старый раскладной нож, быть может, он и отправил Анатолия Лесных в тюрьму, а его врага чуть было не сослал на тот свет. Анатолий Лесных похоронен на местном погосте, совсем неподалеку отсюда. Я нашел его могилу: на фотографии довольно-таки мрачный тип. Еще я узнал, что его сын некоторое время жил в этом доме, наркоман и алкоголик. <...>

၂၆၇

<...> Мне было четырнадцать лет, я приехал в деревню на каникулы. <...> В тот день старшие ребята позвали меня на рыбалку. Это был первый и последний раз, когда я ловил рыбу. <...>

၂၆၈

Когда нам было по четырнадцать лет, мы с другом читали битников. <...> Как и многие подростки, он расписывался краской на стенах. Его прозвище несколько лет украшало стену в моем доме. Ghost расписался прямо напротив лифта, который во время спуска почему-то автоматически останавливался на этаже, должно быть, кнопка застряла: кабина открывалась, и передо мной возникал призрак. Когда моя мать была девочкой, она жила в Эстонии. Однажды она зачем-то повела младших детей на болото.

၂၆၉

.....
.....
.....

၂၇၀

Наделав шуму в зоне духа, мы стараемся сбежать незаметно. Для этого есть крысиные тропы, скрытые воздушные пути, например, бельевая веревка, натянутая между яблоней и шпилем Адмиралтейства. Яблоня растет на холме за рекой — отсюда ползи, прогрызай дыры в голубых простынях и Андреевских флагах, ночуй в мокрых наволочках. Беги вперед по бельевой веревке, не сворачивая на привязанные лески, паутинки, седые волосы ведьм. Наведя шороху в зоне материи, возвращайся тем же путем назад.

၂၇၁

Я приехал в Петербург и поселился в пригороде, в затхлой трехкомнатной квартирке, где остался один только не добытый операциями дед Лауды, остальные родственники разъехались. Деду недавно вырезали предстательную железу, хотя, как потом выяснилось, не было необходимости. Дед пытался шутить по этому поводу, говорил, что ему второе сердце удалили, но на самом деле страдал и начал пить пуще прежнего.

၂၇၂

Пришлось остаться с ним наедине. Лауда со мной и дедом-алкоголиком не хочет сосуществовать, а потому снова оккупировала квартиру Алеша, своего недоношенного друга детства, который работает программистом. Благодаря старательному труду и неприхотливой жизни он скопил на двухкомнатную конуру возле речки Оккервиль. Здесь оберегается мертвенная чистота. Все поверхности Алеша протирает какой-то самодельной химической дрянью: если неправильно смешать — отравишься парами насмерть. Алеша приходит в немую ярость при виде малейшего пятнышка, в котором, по его мнению, могут завестись ужасные бактерии. Лауда уверяла меня, что не спит с Алешей. Подозреваю, что это правда, ведь мне приходилось его наблюдать. Однажды я встретил

их, когда они шли из театра, был день зимнего солнцестояния, и я сказал, что с завтрашнего дня ночь станет уменьшаться, но Алеша поправил меня: нет, говорит, с завтрашнего дня день начнет увеличиваться...

268

А в другой раз я столкнулся с ним на пороге его квартиры, от которой у меня были ключи. Дело в том, что я периодически спал в его доме, когда он уходил на работу. С восьми утра до семи вечера квартира пустовала: я мог поразвлечься здесь с Лаудой, поесть и выспаться после бессонной ночи. Алеша даже не догадывался, что у него в доме завелся болезнетворный жилец. А я ходил и дышал везде, трогал кастрюли, плескался в его ванне с Лаудой и разбрызгивал вокруг ядовитое семя.

269

Прежде чем засунуть ключ в замочную скважину, я всегда нажимал на звонок — на всякий случай, вдруг трудолюбивый Алеша замешкался и до сих пор не свалил. Тем утром я пришел немного раньше обычного, ведь мне пришлось провести ночь на улице, волоча за собой чемодан, где лежали все мои вещи: зеленый твидовый пиджак, синий бархатный пиджак, черный пиджак с наклонными атласными лацканами, галстуки, несколько рубашек, запасные брюки, белье, книги и ноутбук. Что еще нужно джентльмену? Только ночлег. На скамейке возле станции «Садовая» уснуть не получилось: жестко и неудобно. Я согласен спать днем и не понимаю, зачем столько жилья простаивает впустую. Надо принудить владельцев недвижимости предоставлять жилье ночным работникам. Например, какие-нибудь узбеки, которые ночью чинят дороги, могли бы днем спать в квартирах менеджеров и банкиров. Ночные и дневные жильцы никогда бы не встречались, а только оказывали бы друг другу знаки внимания. Скажем, приходят утром со смены дагестанские рабочие, а завтрак для них уже приготовили сердобольные дневные жильцы — креативные дизайнеры, работающие на датскую строительную фирму.

270

И как-то раз я напоролся на него. Алеша чрезмерно много брюзжал по поводу быта и бактерий, поэтому Лауда снова сбежала к родителям. Я пришел чуть-чуть раньше, ведь ужасно устал после алкогольной ночи, мне надоело бродить вокруг дома. Позвонил в дверь. Когда увидел его перед собой, уже одетого и обутого, я тотчас понял, что надо импровизировать: как ни в чем не бывало запихал в квартиру чемодан, заявив, что это Лауда просила передать вещи. Он спокойно кивнул мне и отнес чемодан в глубь своей стерильной норы. Я поднялся на один этаж и вышел на общую лоджию, с которой мог обозревать всю территорию возле дома. Когда Алеша выполз из подъезда и побрел к метро, я зашел в квартиру, помылся и лег спать, но заснуть не получилось. Он заставил меня понервничать, <...> поэтому я счел, что теперь имею право опустошить бутылку замечательного итальянского вина, которая уныло пылилась в шкафу. Какая разница? Все равно Алеша не пьет.

271

Я проснулся в горящем доме. Долго лежал, с наслаждением прислушиваясь к доносившимся из коридора воплям соседей и к запаху гари. Невероятно праздничное на-

строение. По разговорам понял, что горит на другом этаже, но тревожный писк жильцов за дверью не смолкал: все повылезали из своих щелей, стали общаться, даже шутить. Я встал, вышел на лоджию, во дворе стояла пожарная машина. Кто-то уже успел вышвырнуть вещи во двор, пестрые тряпки болтались на ветках дерева. Квартира горела с другой стороны дома, поэтому я не видел огня и дыма. Хотелось посмотреть на пожар. Пойти ли по лестнице или воспользоваться лифтом? Сгореть заживо в лифте крайне неприятно, а на лестнице наверняка дым. Я спустился на лифте, обошел дом, но пожар уже закончился: слишком неторопливо я брился, умывался и выбирал пиджак. Разочаровывающая картина: черная дыра на месте одного окна. Вот и все, праздник закончился, меня охватило чувство утраченной надежды.

☪☪

Теперь пришлось жить с дедом Лауды. Алеша стал подозрительным после моего внезапного визита с чемоданом и пропажи вина, иногда возвращался раньше, порой выходил из дома позже, короче, Лауда забрала у меня ключи от его конуры. Так началось очередное петербургское приключение: весна в разгаре, а за стеной вопит старик и постоянно гадит, не заперев дверь сортира.

☪☪

Как-то раз дед разбудил меня, требуя сдать за него анализ — помочиться в баночку. Дескать, он сам не может — все за ночь спустил. Дело-то было не в этом, конечно, а в том, что нельзя же сдавать алкоголь вместо мочи. Я сначала отказывался, но потом уступил, ведь ему снова предстояла операция. Только потом я сообразил, что настоящие его анализы могли бы и не подойти.

☪☪

Вскоре я улучшил свои жилищные и телесные условия. Это был очередной поход за женой для Педагога. Я хищнически оглядывал укромные уголки заведения, но не находил ничего интересного, только холодно поблескивали пивные стаканы и винные бокалы. Сквозь них просматривались неряшливо слепленные лица. Вдруг мой взгляд ударился о польскую панночку — миниатюрную беленькую барышню. Я стал беспардонно ее разглядывать. Очаровательная кепка, бесподобный синий пиджак и белые штаны делали меня таким сногшибательным, что многие в тот вечер хотели со мной сфотографироваться. Они же не знали, что на мне даже трусов нет, закончились. Весь вечер я пялился на нее, будучи почти трезвым. А потом, когда барышня стала уходить, увязался за ней. И сразу пустил в ход национальный аргумент — не постеснялся заговорить об очевидных ее польских корнях. Не ошибся. Несколько раз удалось польку рассмешить, поэтому она решила не вызывать такси, позволила себя проводить до Малой Охты, мы шли часа два. Я позвал ее в свое любимое кафе, которое располагается на крыше дома в переулке Пирогова: отличный вид на город, модный интерьер. Грася приняла приглашение.

☪☪

На кафе нужны хоть какие-то деньги. Поэтому я встретился с Понкой, чтобы прочитать ей лекцию по буддийской философии. Мы давно забуксовали на диспуте в Самье. Я слишком часто сбивался с курса по направлению новой философии. Был дивный свежий день, мы прохаживались вдоль канала Грибоедова, не хуже прогуливающихся-

ся греческих мудрецов, а потом завернули в винотеку, где и приобрели бутылку кьянти. Я предложил выпить за Хэшана, представлявшего китайскую сторону в том знаменитом споре.

၁၄၃

Понка дрожала вся и металась — таковы ее привычные повадки. Мне кажется, что виной тому здоровенная грудь, которую она с трудом носит. Этой грудью можно сокрушать врагов дхармы. Зато Понка настоящая гимнастка. <...> Иногда мне кажется, что Понка глиняная. Я давно простил ей тот неприятный эпизод в номере.

၁၄၅

Обычно шраваками именуют последователей Малой колесницы. Чандракирти называет шраваками тех, кто проповедует дхарму Будды, не практикуя ее. Выходит, что я давно шравака и не прочь стать бодхисатвой ради катапультации в нирвану всех живых существ. Правда, есть вероятность, что мне придется мастерить катапульты в городах ада.

၁၄၈

А Понка предпочла выпить за Камалашилу, представителя тибетской стороны на диспуте в Самье. Мы сидели на скамейке неподалеку от Казанского собора. В бледно-лиловой рубашке и бархатном пиджаке я выглядел блестяще, Понка на высоченных каблуках — вызывающе. Помимо короткой красной юбки и нескромной блузы на ней еще был выразительный ошейник. Но вскоре мне захотелось отлить, а все кафе были битком набиты, в уборные тянулись очереди, ведь в Петербурге проходил чемпионат мира по футболу. Понка предложила зайти в подворотню. Раньше она никогда не видела вблизи мочащегося мужчину, ей приспичило понаблюдать.

၁၄၉

Мы были в лабиринтном дворе около Сенной площади. Я к созерцателям не привык, поэтому долго не мог начать. Когда полилось, Понка заверещала от восторга <...>

၁၅၆

<...> Неподалеку от нас послышался какой-то шорох, видать, сновали местные жители. Я прислушивался. <...> Понка мне еще и денег дала. Теперь я мог напоить Грасю пуэром.

၁၅၇

Из подворотни я бежал на встречу с Лаудой, опаздывал. <...> Лауда тоже дала немного денег.

၁၅၉

В кафе говорил о Ницше, о новой философии ужаса, об Индии. Грася в курсе: Ницше — это про господство и подчинение. По ее смущенному взгляду я понял, что барышня разбирается в предмете. Идешь к женщине, возьми с собой плетку — этот со-

вет Ницше сегодня смахивает на рекламу секс-шопа. Ницше утверждал, что недостаточно крепкий чай поутру может испортить весь день. В тот раз на крыше он был крепок. Грася призналась, что любит Набокова. Это меня, конечно, впечатлило. Но еще больше я радовался, что наконец-то имею дело не с претенциозной истеричной интеллектуалкой, не с синим чулком, не с высокодуховной неврастеничкой, не с психопатической семиткой, не с аутичной изломанной нимфоманкой, а со здоровой посредственностью.

299

Я стал ночевать в огромной квартире на Малой Морской, где должен был разместиться офис. Грася работала креативным директором в датской архитектурной фирме, начальник ее жил в Европе. Несмотря на это, она никогда не опаздывала и перерабатывала даже, ей приходилось вкалывать на выходных, задерживаться в офисе вечерами. Грася управляла двумя наемниками: парнем и девушкой. Втроем они решили снять большую квартиру и устроить в ней работу. Но с переездом тянули, шикарная квартира простаивала впустую, хотя ее приходилось оплачивать. Почему бы мне не пожить в ней? Колоссальная кровать радовала, современный интерьер в светлых тонах огорчал, пахло нигилизмом, зато клопов и тараканов не было. Повсюду я находил копилки и мешочки с железными деньгами. Кто их оставил здесь? Прежние жильцы. Мне удавалось набрать мелочью довольно-таки большую сумму. Иначе бы я помер с голоду.

300

Грася не переносила щетину, поэтому приходилось добывать средства на хорошие лезвия. Вместо одеколona я использовал остатки Chivas Regal. И еще много всего ценного я разыскал в этой захваченной квартире. Бывшие жильцы оставили даже интимную смазку и кое-какие принадлежности для чайной церемонии. Но самая важная находка — ревун для медведя. Это маленькая цилиндрическая коробочка, которая, если ее накренишь, издает омерзительный звук. В детстве у меня был игрушечный медведь, он именно так и ревел, когда его наклоняли. Утром Грася убегала на работу. Я оставался один. Можно было спать, но за окном рабочие переделывали крышу. Металлические листы постоянно падали с ужасным грохотом.

301

Свое тридцатилетие я отмечал на Малой Подъяческой у Мухоблиновых. Прихватил с собой бутылку рома, которую откопал в захваченной квартирке; Дмитрий Владимирович рассказывал о своей встрече с художником Френсисом Бэконом.

302

Вскоре Грася взяла отпуск и улетела в Италию, а я вернулся в автономную зону — в свой чайный дом. К тому времени волшебная крапива уже дала кое-какой урожай. Я решил добавлять это полезное растение в еду.

303

Грася обещала привезти мне хорошее вино. Сама она не пьет, потому что ее в Таиланде укусила обезьяна-воровка, когда Грася догнала ее и попросила вернуть паспорт.

Пришлось делать уколы от бешенства и принимать препараты. В итоге она заработала лекарственный гепатит. <...> Появилась ненужная самокритика, граничащая с паранойей. А мне именно этот эффект интересен: просветляющее, жестокое осознание банальности всех своих мотивов и методик. Бывало, что я стирал память компьютера, <...> чтобы не было больше охранительных знаков и утешительных мелодий, за которыми прячется самодовольное эго.

268

Грася лишилась девственности в 17 лет на улице Парижа, употребив крапиву. Сегодня для буржуа подобные приключения становятся предметом гордости.

269

.....

270

<...>

271

Можно ли действовать вне логики удовольствия? Когда я назначаю себе двухмесячный пост, это обусловлено гедонизмом: мне нравится вставать в пять утра, принимать ледяную ванну, выполнять силовые и дыхательные упражнения, потом бегать, я получаю удовлетворение, ограничивая себя в чем-то, например, отказываюсь от сна и еды на сутки. Избегать секса намного труднее, но такое воздержание приносит еще более изысканные духовные наслаждения. Все это формы гедонизма. Подобные действия вне какой-либо этики, а воля здесь — только инструмент. Потом я снова принимаюсь злоупотреблять вином, людьми и прочим. Иногда мне кажется, что пьянство — это самая большая аскеза, ведь я не люблю алкоголь, мне от него грустно и мрачно.

272

Асанга однажды увидел собаку с гниющей раной, в которой уже поселились черви. Асанга хотел помочь собаке, но не мог просто убрать червей, ведь тогда он бы лишил их еды. Тогда Асанга вырезал кусок мяса со своего тела и пересади на него червей. Думаю, что сам по себе этот поступок недостаточен для подвига, требовалась еще чрезвычайная внимательность к движениям души. Асанга, вероятно, мог почувствовать особенную гордость, ведь не каждый способен причинить себе вред ради других. Тогда бы его поступок оказался бессмысленным и даже вредным. Все дело в буддийской осознанности. Ощувив гордость, он честно признался в этом самому себе. Подобного рода безоценочная направленность ума на факты сознания способна освободить ум от всех последствий эмоциональной помраченности.

273

Одна женщина во время войны потеряла всех родственников. Их убили враги, чьи могилы остались на ее земле. Женщина всю жизнь приходила на могилы врагов, уха-

живала за ними, сажала цветы. Я думаю, что эта женщина могла быть одержима бесконечной гордыней: убирая могилы, она превозносила себя. Была ли это изощренная месть или искренняя любовь ко всем людям? Мы никогда этого не узнаем.

»»»

Некоторые материалы легко выдерживают холодную воду и кипяток, но при резкой смене температур одни раскалываются, а другие становятся прочнее.

»»»

.....
.....
.....

»»»

Я понял, что дело вовсе не в животноводстве, не в косьбе и не в каких-то подобных причинах, подталкивающих меня к новому бегству, а в том, что я создал декорации для группы. Следует стать ловцом человеков. Чайный дом — это место для камерного коллективного действия, в котором должны сочетаться особые духовные практики, ботанические и микологические эксперименты, музыка, изобразительное искусство, теория и театр. Для этого, вероятно, требуются люди. У меня уже имеется коллекция отщепенцев, но смогу ли я гармонично сплотить их? Во всяком случае, нужен кто-то еще, необходимы решительные и зрелые личности, способные разобрать потолок и утеплить крышу. Давамеска хватит на полк ассасинов, кроме того, я уже заказал сырную плесень (*Penicillium roqueforti*), чтобы пища соответствовала обстановке.

»»»

Я окончательно покончил с вегетарианством. Разговляться после пятнадцатилетнего поста решил змеей под мухоморами. Если яйца и рыбу я изредка употреблял, то мясо — ни разу за все эти годы. Гадюку поймал на холмах, она грелась на солнце посреди белой дороги. Я прижал ее рогатиной и ударил ножом, с которым переплыл через Дон. Змея еще долго шевелилась без головы. Подвесил ее тело на ветке, чтобы стекла кровь, а голову закопал, но перед этим голова успела сказать мне: «Убил ты меня, чтобы съесть, а мог бы обойтись картошкой». Мухоморы я собрал заранее. Змею сварил вместе с грибами, затем все прожарил, добавив куркумы и перца. На второе приготовил красную чечевицу с волшебной крапивой.

»»»

Позавтракал перепелиными яйцами, а потом весь день в животе звучал щebet птенцов: «Зачем же ты нас проглотил? Лучше бы мы летали по воздуху, а ты мог и кунжутной халвы поесть».

»»»

Пока я занимался кулинарными экспериментами в своей автономной зоне, Грася успела отдохнуть в Италии. До отъезда она поставила условие: если я не вернусь в Петербург через месяц, она изменит мне с первым встречным. Что мне оставалось делать?

Сроки поджимали. Я вернулся, хотя денег совсем не было. К тому времени Грася сняла квартиру возле Московского вокзала, совсем ванильную, девчачью квартиру. Она не хотела, чтобы я надолго поселился у нее, ведь я честно рассказывал ей о своем образе жизни. Грася боялась превратиться в очередного донора для моих богословских приключений.

᠑᠗᠘

Мы сошлись на том, что я стал жить у нее два через один. Грася думала, что такие условия заставят меня основательней заняться поисками работы. Поэтому периодически мне приходилось ночевать на улице. Если бы не этот уговор, я бы не встретил Джаю, ведь надо было как-то скоротать время, желательно там, где меня знают и могут угостить выпивкой. Все деньги давным-давно закончились, но можно было разыскать Педагога в джазовом баре «Шляпа», куда он захаживал почти каждый вечер.

᠑᠗᠑

Однажды мы с Педагогом брели в «Шляпу» по набережной Фонтанки. У меня было дичайшее похмелье. Настолько сильное, что даже не хотелось опохмеляться. Возле отеля «Росси» к нам подпрыгнула какая-то немолодая худощавая баба. Попросила два рубля. Мелочи не нашлось. Но баба не отставала, выпрашивала. Потом она вдруг призналась, что пошутила, и позвала нас на террасу ресторана «Fiolet», сказала, что хочет представить нас очень интересным людям. Сначала мы отнекивались, но дама оказалась напористой. За столиком на летней террасе обнаружилась компания весьма подвыпивших особ, над которыми владычествовал актер М. Е. Увидев нас, он выматерился, принялся орать и смеяться. <...> Он был похож на доктора Гонзо из «Страха и ненависти в Лас-Вегасе» и на персонажа, роль которого исполнял в фильме «Generation „П“». Сказать, что М. Е. был пьян в дрова — ничего не сказать. <...> Баба, судя по всему, привела нас, чтобы актер повеселился, ибо мы в тот вечер выглядели особенно элегантно: оба в твидовых пиджаках и в кепках из 30-х годов. <...> Знакомство нас не слишком впечатлило, но мы согласились сфотографироваться, после чего покинули компанию.

᠑᠗᠔

Когда мы доплелись до «Шляпы», я уже хотел опохмелиться. Педагог угостил меня двумя стаканами сидра. В толпе я заметил Гошу, он тоже был в кепке. Гоша ездит на велосипеде, курит и напивается, ему под сорок. Однажды так напился, что заснул на улице и отморозил два пальца, их ампутировали. В баре Гоше не продавали алкоголь после каких-то его выходов, хотя и не прогоняли из заведения. Но мы легко решали эту проблему: он мне давал деньги, а я покупал выпивку ему и себе, ведь не напрасно моя прабабушка была еврейкой.

᠑᠗᠗

В баре я заметил других знакомцев: Алишера и старого художника — он и впрямь немолод, за полтинник точно. В «Шляпе» художник подыскивает себе девушку, порой небезрезультатно. Внешне он весьма похож на Уильяма Берроуза, хотя на самом деле всегда был обыкновенным питерским денди. Художник невероятно тщательно бреется, его обрюзгшая рожа по фактуре не хуже задницы младенца. Алишер по национальности кавказец, но запросто выдает себя за чернокудрого итальянца по имени Али.

200

Наша восхитительная компания встречала всех симпатичных девушек, забредавших в «Шляпу». Мне в этот вечер никто не нравился. Но вдруг зашли две обаятельные персоны. Одна из них допускала ту степень развязности, которая выгодна в любом светском обществе; в ней было много пленительной непринужденности, граничащей с бесцеремонностью; шатенка с вьющимися волосами и достаточно острыми чертами лица, высокая, в одежде ее царила сдержанность, свойственная людям с большим достатком. Теперь только нищоброды вроде меня выпендриваются шмотками. Сопровождала еврейскую красавицу немолодая блондинка, искрящаяся наигранным счастьем. Я холодно разглядывал барышень, стоя поодаль. Остальные мужчины подкатывали к ним по очереди. Дождавшись, когда они все переговорят с шатенкой, я подошел к ней и предложил пройтись. Ее спутница к тому времени уехала домой на расфуфыренном автомобиле. Дама согласилась со мной прогуляться, что меня не удивило, ведь мы давно установили зрительный контакт. Али уже успел выпить и куда-то отошел вместе с Педагогом. Позже я узнал, что этот южный мачо хотел нас догнать. А мы пошли по Литейному проспекту к Неве. Была ночь, было светло.

201

Джая живет на острове в Таиланде, раньше была моделью, снималась для «Vogue». Потом выскочила замуж за небезызвестного еврея. Родила ему детей и решила стать профессиональной просветленной.

202

Возле Невы наша бодрая беседа, касавшаяся духовных практик и волшебной флоры, прервалась на затяжной поцелуй. Джая необычно пахла: одновременно влекущий и отталкивающий аромат, мне показалось, что в нем есть нотки тмина и гвоздики. Я проводил ее. Она остановилась рядом с Таврическим садом у своей немолодой подруги Лены, которая снималась в фильмах Сокурова. В «Молохе» она играла Магду Геббельс.

203

На следующий день мы встретились на летней террасе кафе «Ботаника». Джая сидела за столиком с Леной и В. Г., который играл в первом составе «Аквариума». <...> В. Г. был грустным, даже депрессивным. Он признался, что считает себя глубоко больным человеком. <...> Этот человек находился в глубокой депрессии. Напрасно я расспрашивал его о Б. Г. Мой собеседник сказал, что лидер «Аквариума» просто использовал всех людей, с которыми имел дело. Лена говорила о Сокурове, из-за которого она отказывалась от съемок у других режиссеров. Сокуров просил ее беречь себя для него. Потом В. Г. распрошлся с нами, Лена тоже уехала. Мы с Джаей пошли в Михайловский сад, спустились к берегу Мойки и там курили трубку, сидя на моем пиджаке. Как часто бывает, я не рассчитал с куравом. Мне подурнело, но я быстро взял себя в руки. Джая веселилась, звонила режиссеру Сергею Соловьеву, с которым хорошо знакома, рассказывала, как она плавала вместе с Мамышевым-Монро и Сергеем Бугаевым (Африка) на остров к олигарху Поклонскому. С Березовским она тоже виделась несколько раз. Пыталась меня убедить, что с... сын этот был прекрасным человеком. С ним дружил ее муж. Только потом я понял, что почти наставил рога другу Березовского... но «почти» — не считается.

208

У меня были ключи от квартиры Граси. Я потащил туда Джаю. Мы долго петляли по улицам неадекватно солнечного и жаркого Петербурга, потом зашли в квартиру, пили чай пуэр. <...> Время поджимало. До конца рабочей смены Граси оставалось минут сорок. Я боялся, что она вернется раньше. Мы долго целовались, я залез Джае под кофточку, но потом сказал, что надо улепетывать. У меня имелась легенда: якобы квартира принадлежит моим знакомым, которые вот-вот должны явиться. Времени на полноценный коитус не оставалось.

209

<...> Я привел ее в Таврический сад, где и оставил с какими-то музыкантами, а сам бросился на Малую Морскую — встречать Грасю. К счастью, она задержалась на работе.

210

В Таиланде Джая расширяет сознание и занимается духовно-телесным целительством. У них там целая секта, состоящая из еврейских вегетарианок. Они считают себя адептами тантры. Конечно, все это страшная профанация и оборотство. Бабы собираются в кружок и духовно дышат, пробуждая энергию. Так они выравнивают сколиоз и выводят молочницу, ведь болезни, само собой, являются следствием психических блоков. Такого рода дребедень сопровождается экзальтированными речами о природе и свободе. Просветленные бабы неплохо на этом зарабатывают.

211

Отчеты о мероприятиях просветленных женщин сверкают удивительными перлами: «БОГ. СЕКС. ДЕНЬГИ. ЛЮБОВЬ. Едины. Это мы вчера обнаружили на своем опыте, запустив мощный виток Изобилия. В новолуние прожили оргазм от денежного изобилия, раскрыли потенциал и ключи: как по-женски взаимодействовать с деньгами? Мы поставили деньги на свое место в нашей системе ценностей, сняв ограничения, убеждения, страхи и излишнюю значимость, соединили их с любовью и сексуальностью в теле». Подобная постыдная чепуха гастролирует по всему миру. Они проводят фестивали в Дели, в Куала-Лумпуре, на Ибице... всюду сея любовь к мидиям.

212

Оргазм от денежного изобилия — именно этого мне и не хватало. Какие угодно оргазмы поджидали меня на каждом шагу, но только не денежные. Просветленная женщина улетела в свой Таиланд, пожелав мне раскрыть в себе подлинную мужественность. Я для нее некошерный мужик, ведь не могу даже билет до Бангкока себе позволить. Не слишком-то я расстроился, ведь у меня не получилось влюбиться в Джаю, как и в Грасю, с которой вскоре тоже все было кончено.

213

Грасю стала бесить моя праздность: ей, дескать, приходится работать, а я в свободном полете. Кроме того, барышня боялась, что ее просто используют. Она заблуждалась. Грася нравилась мне больше многих женщин, особенно в постели. Ведь она не склон-

на к тому отчаянному мазохизму, которым одержима Киевлянка, но тоже любит, когда мужчина доминирует и умеет применять ремень. Невозможно забыть наши многочасовые прогулки по Петербургу и поездки в пригород. Как-то раз я украл мыльные пузыри и пригласил Грасю на крышу. Выдался безоблачный денек, внизу блестел канал Грибоедова, сновали человечки. А мы валялись на волшебной крыше, по уши в беспричинном празднике. Крыша в пузырях — прекрасная смычка. Но все это закончилось.

❧

Однажды, когда я пришел домой после суточного бродяжничества, мой чемодан был уже собран и стоял в дверях. Грася сказала, что не желает больше терпеть меня в своем доме. Я тотчас ретировался. Пришлось тащить чемодан в руках, у меня даже на метро не было денег. Потом я пару часов просидел в парадной, ожидая Педагога. Вечером Грася одумалась, стала присылать мне сообщения, умоляя вернуться. Я согласился, но с условием, что она ни при каких обстоятельствах не выгонит меня в течение недели. Просто я хотел именно в Петербурге дописать начатую статью об ангелах и глине, хотя точно знал, что между нами все кончено. Грася стала терпеть, но было заметно, что я вывожу ее из себя своей праздностью и отсутствием чистоплюйства. Вскоре выяснилось, что моя барышня похожа на недоношенного друга Лауды, который все дезинфицирует. Грася для этого нанимала уборщицу. Через неделю мы очень мило попрощались. Она думала, что я просто перееду куда-то, но мы будем встречаться, как раньше, гулять. Что мне ночевать негде — это ее не интересовало. Поэтому я отправился спать в свой чайный дом. Она не знала о моем отъезде, предложила повидаться. Я назначил ей свидание в любимом кафе на крыше.

❧

Существует высшая ответственность: жизнь не должна быть чем-то обыкновенным. Любой ценой выходить за рамки: организовать сбор мидий с яблонь, охотиться на змей во фраке или заблудиться в Раджастхане. Но лучше создать собственную систему облаков, которая позволит предсказывать химию будущего дня, его гормональный состав. А еще в Зимнем дворце есть особые окна, сквозь них просматривается башня Татлина.

❧

Тем временем вышла моя дебютная книжка, называется она «Аристотель и портювые шлюхи». Издатель попросил сочинить небольшую биографическую справку. Антон Владиславович Заньковский: богослов, исследователь человеческого секса с цветами и рыбами в контексте спекулятивного БДСМ-реализма; изучает слизь, Колдуна и лабильные расстройства онтологии; печатался в журналах «Логос», «Нева», «Опустошитель», «Acta Eruditorum», «Апокриф», «Прочтение». В книгу вошли эссе, роман «Ветошница» и сейсмически активные вагины.

❧

Конкуренция относится к принципам рыночных отношений. Но я не могу победить в себе этот либеральный порок, ибо внутренне торжествую и даже злорадно ухмыляюсь, представляя перекошенные физиономии некоторых «друзей» и откровенных злопыхателей, которые увидят мою книжку в магазине. Я не только высказался, но и надавал кое-кому по морде.

❧❧❧

Я решил уединиться в своем чайном доме, но не тут-то было. Великий Композитор уволился с работы и пожелал навеститься ко мне. Можно ли было ему отказать, ведь он так часто меня выручал? И в кои-то веки этот нестираный товарищ нашел себе женщину. Она тоже захотела поехать. К ним присоединились Понка и Лауда, что меня сильно удивило, ведь барышни были едва знакомы. Лауде известен мой адрес, она уже приезжала сюда как-то раз, чтобы поваляться со мной в зарослях вьюна и на тимьяновых полянах. Поэтому она стала проводником в этом паломничестве. Я запретил Великому Композитору брать с собой Дабасову. Но Композитор сказал, что Дабасова при всем желании не смогла бы явиться, ибо так и не смирилась с приговором, а потому лечится в сумасшедшем доме. Педагог не поехал, ведь ему надо было готовиться к свадьбе. Моя шутка стала роковой: Педагог написал Киевлянке, какое-то время они общались, а потом она к нему прискакала. Сказать, что эта новость развеселила меня — ничего не сказать. Подобные события выявляют очаровательную саркастичность судьбы.

❧❧❧

Ожидая петербургскую банду, я попивал неплохой шен-пуэр и читал Мейстера Экхарта. Потом вышел за мятой, а когда вернулся, увидел четырех шершеней. Они летали вокруг лампы. Пришлось опрыскать их ядом и затоптать. Перед смертью один шершень прожужжал: «Зачем ты убил нас? Мы просто стремились к свету, мы ничего тебе не сделали». Спустя три часа я наблюдал интересную картину. Горело семнадцать свечей, сверкала гирлянда. Великий Композитор после второй бутылки самогона стал кувыркаться и реветь, потом его вырвало на сайгачьи рога. Слегка очухавшись, он решил догнаться пивом, после чего и вовсе описался, Кира помогла Великому Композитору поменять штанишки. Лауда в это время крутилась у зеркала, примеряя овчинный тулуп и размахивая ножным протезом, она инфернально хохотала и прыгала под музыку пигмеев, а другие девочки плескалась в ванне. Впрочем, они были в купальниках — все прилично. Что касается меня, то я пытался сварить что-нибудь толковое из волшебной крапивы и зачитывал фрагменты своего эссе об ангелах и глине.

❧❧❧

Ночью, когда мои друзья уже спали (Великий Композитор и его женщина Кира устроились посреди комнаты на матрасе, а Понка с Лаудой забрались на подвесную кровать), я даже не думал о сне. На душе было чертовски скверно. Кроме того, похолодало. Когда мы пили, это не было так заметно, девушки даже немного побарахтались, а теперь я боялся, что мои гости простудятся. Я нашел поленья и щепки, но не мог отыскать даже клочка бумаги. Тут я вспомнил о рисунке Мухоблинова, для которого так и не нашлось места на стене. Через несколько минут огонь уже полыхал в печи. Я согрелся, захотелось навести порядок, но только не с помощью веника и тряпки — этого было бы недостаточно. Мейстер Экхарт, морские раковины, мох и красивые минералы упрекали меня своей безупречностью. Храпящий человеческий материал делал обстановку мрачной и неряшливой, похмельное отчаяние уже подступало к сердцу. Я не стал протирать пыль, подметать пол, бриться и подпиливать ногти. У меня появилась другая идея. В сарае родственников стояла телега. Подсвечивая фонариком, я быстро нашел ее среди дров, топоров и лопат. Выкатив телегу, я направился к дому пасечника.

229

Я брел в темноте, толкал перед собой тележку и думал. Только теперь я осознал, что чайный дом понадобился мне, чтобы написать о нем. Конечно, я нуждался в жилье, но еще больше я нуждался в материале для литературного проекта. В итоге он состоялся, этот проект, но не хватало главного — синтеза. Отшельническое эстетство было тезисом, петербургские похождения — антитезисом. Казалось бы, вот и осуществился синтез: Петербург наведлся в мой скит. Что же получается: кульминация синтеза произошла, когда Великий Композитор облевал сайгачьи рога? Никакой это не синтез, а издевательство. Мистерии не случилось. Завтра мы снова напьемся, потом объедемся наркотического масла, я пересплю по очереди с двумя из трех женщин либо с тремя одновременно — вот и все. Никакого волшебства, только мерзость и богооставленность. Я мог бы, пожалуй, соблазнить гостей на поездку в районный центр за надувными шариками с гелием, ведь у меня есть несколько звериных черепов, которые можно запустить в небо, но я уже придумал кое-что получше.

228

Пасечник, похоже, спал, свет не горел в его доме, ни он, ни его соседи не держали собак. Ульи стояли на заднем дворе, куда я легко проник, зайдя во двор через непаханный огород, калитка была открыта настежь. Дело в том, что я хорошо знаю его двор, ведь часто приходил сюда в детстве: когда-то у пасечника был внук, с которым я проводил время, его звали Володя. В тринадцать лет он перестал приезжать в деревню, а в девятнадцать сел в тюрьму за разбой. Мы не стали настоящими друзьями: Володя больше всего интересовался техникой, мечтал о мотоцикле, рассуждал о карбюраторах и любил помогать деду, когда тот возился со внутренностями трактора; а я все это терпеть не мог, я собирал белемниты, ловил насекомых, пасека меня тоже интересовала, зато Володя был к ней равнодушен. С тех времен этот двор почти не изменился, только в тракторе теперь совсем не было внутренностей, остался один лишь остов, который очень живописно гнил.

225

Улей оказался тяжелым. Толкнув его, я услышал гул, но ни одна пчела не вылетела. С большим трудом я переместил улей на телегу. Нелегко было сдвинуть ее с места, я чуть не потерял поклажу в огороде. Когда я выбрался на дорогу, шум насекомых усилился. Пчелы почему-то не хотели вылезать наружу, хотя они прекрасно видят в темноте.

220

Меня изрядно покусали, пока я вез телегу к чайному дому, но я терпел, не сдавался. Полдюжины пчел удалось прикончить. Умирая, одна из них спросила: «Зачем ты утащил нас, а потом еще и прихлопнул, идиот?» Но я не обращал внимания ни на укусы, ни на укуры насекомых. В доме моем нет порога, потому телега с ульем запросто прошла в дверной проем. Вкатив ее на середину комнаты, я вывалил улей возле Великого Композитора и Киры, которые все еще спали, подложив под головы свою scomканную одежду. Мне стало ужасно стыдно, что я забыл дать гостям подушки. Рядом валялись облеваннные рога. Крышка улья соскочила, разъяренные пчелы вылетели тучей. И тогда я почувствовал, что пришел настоящий синтез.